

Дмитрий
Калин

Книга рассказней

содержит нецензурную лексику

«Книга рассказней» — писательский дебют нижегородского журналиста Дмитрия Калина. В сборник вошел 21 рассказ. По признанию самого автора, это число приносит ему удачу, ведь сам он родился 21 октября.

Писатель в своих произведениях вообще уделяет большое внимание символам, каждый его рассказ — это захватывающий синтез реального и иррационального, правды и вымысла, суровой прозы жизни и причудливых фантазий. Характерная деталь «рассказней» Дмитрия Калина — это, безусловно, самобытный и сочный язык повествования. Автор с явным удовольствием смакует, казалось бы, привычные слова и выражения, соединяя их в изысканное кружево повествования и увлекая читателя в мир странных и пугающих иллюзий, цепляя за самые сокровенные струны его души...

18+. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Калинин Книга рассказней

Сказка

Вместо предисловия

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? —
спросил Лешка.

Я аж вздрогнул от неожиданности. Тихо, спокойно; пламя костра облизывает, затем пробует на вкус сучья, принесенные ему в жертву, и с хрустом пожирает; под ногами озеро ксерокопирует звездное небо... И тут такой вопрос.

— Давай сначала выпьем, — предложил я, предчувствуя длинный рассказ.

Стеклянный журавль качнул шей и, булькнув, выплеснул в сумрак стаканов водку. Мы выпили, не чокаясь. Жидкость обожгла рот и лавиной ринулась вниз. На миг стало трудно дышать, но на помощь пришел надкушенный огурец. Понюхав его по очереди, мы положили закуску на тарелку зеленого дырявого, как сыр, лопуха.

Сигареты вспыхнули в темноте глазами вампира:

— Теперь давай — вещай!

Лешка задумался. Спираль сигаретного дыма посеребрила воздух.

— Жил да был Человек, — начал Лешка. — Жил, жил, жил, жил, жил, жил, а потом — умер.

Он замолчал. Я ждал продолжения, но его так и не последовало.

— Это что, все? — не вытерпел я.

— Да, — невозмутимо ответил приятель, ложась на постель из травы и закидывая руки за голову. — Все.

— Какая-то короткая сказка получилась и неинтересная. Где подробности? Как он жил, что делал, что чувствовал, как умер? Это же самое увлекательное.

— Разве? — повернулся ко мне Лешка. — А не все ли равно, как именно он жил. Ну, жил и жил, как все живут, так и он жил, а затем помер.

— Да что ты все заладил, как попугай: «Жил-жил, помер-помер!», — рассердился я. — Совсем не все равно, как он жил. Хороший он был, плохой, может, вкалывал целыми днями, может, ни хрена не делал?

— А какая разница? — глядя в костер, пробормотал Лешка. — Какая разница, как. Как все, так и он.

— А как «как все»? — чувствуя себя полным идиотом, спросил я.

— Да нормально.

— Леша, а Леш, — задумчиво начал я.

— Чего?

— Я человек нервный, измученный нарзаном, кредитами, бытом, чиновниками и прочими паразитами. Могу и в морду дать! Не беси меня!

— Попробуй, — спокойно ответил Лешка, зевая. — А ты-то сам можешь объяснить выражение «как все люди»? — тут же произнес он, видя, что я приподнимаюсь с трухлявого пня.

Я задумался.

— Ну, это когда у человека есть работа, машина там, квартира, жена, дети, дача... Когда он не пьет много, не гуляет, все в дом несет, в отпуск с семьей на курорты ездит. Что еще? Ну и все, пожалуй...

Небо криво усмехнулось ломтиком луны, но тут же скрыло ее ладошкой-облаком и пристальнее взгляделось в нас многотысячем повеселевших звезд. Озеро приструнило барашки волн, вслушиваясь в беседу. Оцепенели и без того неподвижные силуэты деревьев.

Затухающий костер, получивший добавку, вцепился огненными клыками в деревянные засушенные трупы. Тьма отступила на шаг назад.

— Странно как-то... — продолжил я. — Странно.

— Что именно? — любопытствовал Лешка.

— Да вот это: «как все». Стандарт какой-то, рамки, ограничения. Если за них перейти, то получается уже «не как у всех» — ненормальность, аномалия, чего делать нельзя, табу. Почему нельзя выходить за рамки? Почему нельзя жить «не как все»?

— Не положено, и все тут, — лениво отозвался Лешка. — «Как все» — это планка. Не допрыгнешь до нее — презирать будут, нос воротить. Перепрыгнешь — восхищаться, завидовать, а за глаза ругать и насмехаться.

Миллионы людей до нас так существовали и после нас будут — и ничего. Поэтому живи, как все. Так легче и спокойней. Но...скучнее. Давай лучше выпьем.

— Нет, подожди! Не хочу я «как все»! Я по-своему хочу! Весело, ярко, чтобы потом вспомнить что было!

— А зачем? Конец-то один у всех — каморка без окон и дверей. Какая разница, что ты чувствовал, что любил, к чему или к кому был привязан... Это не имеет абсолютно никакого значения. Все уйдет с тобой. Ничего не останется.

— А как же загробная жизнь: ад, рай и вообще?

— Ты их видел? Бывал там? Нет! Ну и молчи тогда в тряпочку. Я, конечно, не знаю... Но, по-моему, фигня все это. Сказки, чтобы общество окончательно не оскотинилось, и умирать не страшно было. Вот и весь расклад. Да ты не переживай, — добавил он, видя мое растерянное лицо. — Умрем, и умрем. Когда это случится, неизвестно, а пока давай жажнем.

Не дожидаясь моего согласия, он налил половину граненого стакана и сунул его в руку.

Мне стало страшно. Не чувствуя вкуса, я глотнул жидкость и машинально откусил от огурца.

— Ты на него-то особо не налегай, — посоветовал Лешка. — У нас еще одна бутылка

осталась. Чем закусывать-то будем? Рукавом?

— Закуска градус убивает, — повторил Бог знает в какой раз я свою юбимую присказку. — А на хрена мы тогда вообще живем? Смысл-то какой?

Лешка скривил гримасу:

— Да почему все о нем говорят? Зачем вообще искать то, чего нет!? И талдычат все, и талдычат, как заведенные: «смысл жизни, смысл жизни...» Какой, к примеру, смысл жизни вон у той сосны или березы? Не вижу, чего там растет...

— Липа, — уточнил я.

— Да какая разница! Хоть дуб! Вот у него какой смысл жизни? Растет себе и растет. Одряхлеет — упадет, или срубят его в полном расцвете сил. Ну, дом построят или в костре сожгут. Смысл жизни у него в этом что ли? Потомки этого самого дерева говорить будут молодой поросли: «Не зря ваш предок землю жрал и воду пил! Тепло людям дал, жильё!» Фигня полная! Так же и звери, и птицы, и прочие гады. Что — смысл жизни кролика, чтобы из него шапку сшили или волк его слопал? У скворца или вороны какой? Нет! И не было испокон веков. Так же и у людей! Это они себе напридумывали. Вот некоторые говорят, что смысл жизни — вырастить детей, чтобы они продолжили дело их жизни. Выражение-то какое: дело жизни.

— Ничего особенного, — пробормотал я.

— Нет! Ты не понял. Дело Жизни. Жизнь — это всего лишь дело. Сделал дело, гуляй смело. Передай по цепочке — игра такая. И так, пока она не оборвется, а конец есть у всего. А если он наступит, то зачем дело делать? Результат-то — ноль. Какой в этом смысл? Вот и выходит, что его нет и быть не может.

Повисла тягостная пауза. Лешка, наконец-то, выговорился. Спрашивать его ни о чем не хотелось. Допили в тишине бутылку, открыли новую. Голова уже ничего не соображала. Приклонившись к дереву, я уставился на звезды. Летом они особенно красивы. Мерцают глубоко в небе, перемигиваются между собой, и «звезда с звездой говорит»... Может быть, тоже друг дружке сказки рассказывают: «Жила-была звезда. Жила, жила, жила, жила и погасла»... Висят гроздьями высоко-высоко и одновременно как будто совсем рядом. Протянув руку, я ухватился за сияющий многоугольник. Он легко поддался и потащил за собой стебель цветка. Астра. Одна звезда-цветок, другой, третий... Вскоре у меня уже был целый букет. Один из стеблей не желал поддаваться. Рванул посильнее — полотно неба треснуло, и с него посыпался град апельсинов, погребая меня. Стало трудно дышать.

— Вот, посмотрите, граждане, к чему приводит неверное восприятие квинтэссенции

абсолютного неверия, — нравоучительно произнес Лешка, неведомо как очутившийся рядом. Выглядел он как-то странно и совершенно непохожим на себя — бородатый, толстопузый и напоминающий Карабаса Барабаса. — Прав был проводник поезда Москва — Кострома, горячо любимый всеми нами господин Сусанин. Еще будучи полупроводником, он проводил, доводил до сознания людей архиважную дилемму сказочной действительности.

Остановившаяся толпа смотрела на меня с нескрываемой злорадством.

— Так дело оставлять нельзя. Враг будет всенепременнейшим образом разбит и повержен на алтарь всемыслия.

Сотни рук ухватились за носилки, выросшие за спиной, и с песней «Эх, ухнем» потащили меня прочь. Обнаженная девица, прильнув к голому телу, начала шарить и, оторвав часть моего горячо любимого органа, гордо подняла над головой.

На лбу выступил холодный пот:

— Как же я без него!

— Молодец, Дюймовочка! — похвалил Лешка. — Этот образец хозяйственной деятельности поможет поднять производительность скота на птицеферме трех поросят, повысить урожайность молодильных яблок и заткнуть, наконец, рот Говорунам, не умеющим вовремя

перебить Кота-баюна.

— Что за хрень ты несешь! — хотел я заорать, но не сумел ни выдать ни звука, ни пошевелиться.

Носилки превратились в гроб, который стали опускать в пропасть. Сверху посыпались горсти земли.

— Покойся с миром, дорогой наш товарищ, — вещал Лешка на краю могилы. — Пусть вода сомкнет свои объятия и будет тебе пухом, а нам радостью и утешением на заслуженном трудовом пути. Да простятся тебе все грехи, самым важным из которых было и остается твое неверие — неверие в то, что закусь спасет мир.

Сумев, наконец, разорвать невидимые путы, я, плача от отчаяния, принялся карабкаться к свету. Лешка запрыгнул в могилу, схватил за плечи и, тряся, стал заталкивать мое тело обратно.

Я от души вlepил ему в челюсть. Приятель, отлетев на несколько шагов, плюхнулся на землю и ошарашенно уставился на меня.

Сердце выпрыгивало из груди, воздуха не хватало.

— Ты идиот что ли? — выговорил, наконец, Лешка, потирая скулу. — Ты мне губу разбил.

Я огляделся: солнце всюду полыхало на небесах, щебетали птицы, тлели остатки костра. Никаких могил, заупокойных речей, гробов,

звездных цветов.

— Дюймовочка, — пришло мне на ум. Схватив себя за причинное место, я с облегчением убедился, что все в порядке.

— Я в деревню уже смотался, — продолжал Лешка. — Самопляса надыбал, хлеба, картошки на закусь. Подхожу, ты орешь, как дурак, руками машешь. Ну, думаю, все — кранты: либо припадок, либо белая горячка. Трясти тебя начал, а ты...

— Леш, ты извини меня. Это я спросонок. Снилось, что меня заживо хоронят.

Лешка помолчал.

— Да ладно, бывает. Знаешь, мне однажды приснилось, что я дерусь. И кулаком в глаз жене заехал. Ей на работу утром, а у нее фингал. Давай здоровье поправим, а ближе к вечеру — по домам.

Пить не особо хотелось. Самогонка юркнула в глотку и тут же запросилась обратно. Закинув голову, я не давал ей вырваться наружу. Поняв, что выхода нет, она успокоилась. Покурив, выпили еще.

Со вчерашнего стало развозить. Мозги вновь затуманились. Лешка икнул, улегся поудобнее и принялся гонять по рту травинку.

— Хочешь, сказку расскажу? — усмехнулся приятель.

Я вздрогнул.

— Знаешь, Леш. Иди ты со своими сказками

знаешь куда! Лучше наливай. Так жить проще,
веселее и удобней. Хотя...

Грачи

Холодный осенний воздух насквозь пропитался влагой. Мелкий промозглый дождик моросил, не переставая ни на минуту, нагоняя

жуткую тоску. Иван Митрофанович поежился и, подумав секунду, поднял воротник фуфайки. Под ногами возмущенно чавкала кладбищенская земля, не желая выпускать из стальных объятий кирзовые сапоги. Ветер гнал по лужам пожелтевшие скелеты листьев. Природа в очередной раз умирала, чтобы весной вновь возродиться к жизни.

— Эх, ну и погоду послал Господь нынче, — подумал Иван Митрофаныч. — Как там в Библии-то сказано? «Разверзлись хляби небесные...» Мда-а... Да и внизу ничуть не лучше. Не земля — кислятка¹ сплошная! А вот и могилка. Дошел-таки, наконец.

Он отворил зловеще завывшую дверцу, зашел за оградку и, постояв немного, плюхнулся на сырую скамеечку.

— Совсем бурьяном заросла могилка-то! Холм с землей сравнялся... Да и крест не мешало бы поправить... Видать, некому, — пробурчал Митрофаныч и полез в карман за сигаретами.

Чиркнув спичкой о шершавый бок коробка и прикурив, он с наслаждением затянулся. Посидев немного, Иван запустил руку за теплую пазуху и выволок оттуда бутылку водки, накрытую пластиковым стаканчиком.

¹ Кислятка — жидкая грязь (прост.)

— Для сугреву, — объяснил он сам себе, хотя ни чуточки не замерз.

Наполнив стакан до краев, Митрофаныч залпом опрокинул водку внутрь. Чуть поморщившись, занюхал рукавом и снова закурил. Раздражение и обида на весь белый свет, глодавшие во время пути, понемногу отступили. Он огляделся вокруг. В ветках высоких старых деревьев во всю глотку орали черные грачи. Птицы беспокойно металась, перелетая с места на место.

— Вот неугомонные! — подумал Иван Митрофаныч. — Не сидится им спокойно. В теплые края, поди, собрались. Да и то сказать — зима на носу. И отчего грачи так любят селиться на погостах? Мест красивее нет что ли?

Вспомнилось, как давным-давно дед объяснял ему, сопливному мальчугану, этот феномен:

— Душа человека после смерти попадает в загробный мир, — внушал старик внуку, сидя на завалинке и дымя самокруткой, — казалось, он никогда с ней не расстанется. — Если хорошо себя ведешь, слушаешься маму с папой, учишься на одни пятерки, то тебя в рай определяют. А если, к примеру, уроки прогуливаешь, стекла бьешь и куришь — то в ад. Вот попадешь к чертям в лапы, посадят они тебя на сковородку и будут поджаривать.

— А если человек себя никак не вел? Ну,

нормально, то тогда куда? — ковыряя в носу, поинтересовался Ваня. Сказка деда его несколько не напугала.

— Тогда, — призадумался на секунду старик, — тогда грачом будешь. Превратит тебя Господь в птицу на веки вечные. Будешь по кладбищу летать да прощения у него просить.

— Дед, а дед, а ты ведь точно в рай не попадешь! — сдерживаясь из последних сил, чтобы не засмеяться, дурашливо всхлипывая, пробормотал Ваня.

— Это еще отчего? — подавился горьким дымом старик.

— Так ты ж куришь! — Ваня задал стрекача так, что только голые пятки засверкали. Несясь во весь опор, он, громко гогоча, слышал, как дед матерится ему вслед.

Иван Митрофаныч тихо засмеялся. Мудрый дед был, царствие ему небесное! Он вновь плеснул водки в стакан и собирался уж выпить, как вдруг замер, вглядываясь в просвет между деревьями.

— Никак, Кирюха идет! Точно! Он! Больше никому!..

По грязи, увязая чуть ли не по колено в лужах, топал невысокий мужичок в черной куртке.

— Здорово, Митрофаныч! — приметив приятеля, заорал мужик. — Ты уже тут! — Подойдя поближе, он протянул руку.

— Ты чего орешь, дурень?! — прошипел Митрофаныч. — Не в лесу, чай! — Покосившись на ноги приятеля, он постучал себе по лбу. — Ты бы еще сандалии одел!

— Так я ж думал, проскочу как-нибудь, — очищая кроссовки от грязи о край ограды, начал оправдываться Кирилл.

— Проскочу, проскочу... Проскочили уже разок, — передразнил Митрофаныч. — Как был дураком, так и остался. Вечно у тебя все не как у людей! Одно слово — баламут!

Тут он заметил протянутую для приветствия руку и сунул в нее налитый стакан.

— Выпей.

— Ну, за встречу! Давненько мы с тобой не виделись... Хорошо! — опрокинув в себя водку, крикнул Кирилл и уткнулся носом в рукав. — А могилка-то заросла, — кивнул он, чуть отдышавшись, за спину Митрофаныча.

— Сам вижу, — буркнул приятель. — Ты лучше на свою взгляни...

Кирюха, улыбаясь в тридцать два зуба, зашел за ограду могилы, стоявшей впритык к митрофанычевой.

— Едрена Матрена! — заорал он через секунду. — Ты гляди: табличку сперли! Ну, кому она, на хрен, нужна?!

— Бомжи, поди, уволокли, — хмуро отозвался

Митрофаньч. — На металлолом сдали — аккурат на бутылку бодяги должно хватить...

— Ну, ничего святого в людях не осталось! — продолжал разоряться Кирюха. — Грех ведь это!

Он еще немного повозмушался и, наконец, успокоился.

— Эй, сосед! Может, еще по одной жахнем? У меня есть с собой. Сейчас в гости приду...

Кирюха выудил из-за пазухи початую бутылку и краюху хлеба. Мужики уселись на скамейку и, не чокаясь, выпили.

— Как у тебя дела-то? — вгрызаясь в горбушку, поинтересовался Кирюха. — Как твоя бывшая поживает?

— Нормально, — буркнул Митрофаньч. Трясушимися руками он достал из кармана примину и закурил. — Как только расстались, все грозилась на себя руки наложить, в петлю лезла. Не могу, мол, без него! А потом ничего — успокоилась... Через полгода замуж выскочила. Я так думаю, что она для проформы воздух-то сотрясала. Я уж только потом узнал, что у нее еще при мне хахаль был. С ним опосля и сошлась. Ничего, живет себе — забот не знает. Муж ейный — бизнесмен. Мерседесы, шмотки разные... Да Бог с ней... У тебя-то как?

— Да вроде все нормально. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — заплевался Кирюха. — Нинка

дома хлопочет, за хозяйством следит. Вроде никто к ней не заходит. Сын с невесткой дружно живут. Недавно ребенка родили. Мальчика. Иваном, кстати, назвали. Дочь в этом году школу заканчивает. Все по дискотекам и танцам шляется. Дома почти не бывает. Голова тряпками да ухажерами забита — не до отца ей теперь. Нормально все, в общем. Ну что, еще по одной...

Мужики допили остатки. Говорить ни о чем не хотелось. Они молча курили, думая каждый о своем. Усилившийся дождь колошматил по ним, стекая струйками по лицу. Жирные от влаги тучи скакали по небу, не зная, в какую сторону им податься, чтобы спрятаться от назойливого ветра. Даже грачи немного приутихли, словно поддавшись мрачному настроению природы.

Кирилл покрутил в руках пустую бутылку и, не обнаружив там ни капли, со злостью швырнул ее в кусты. Старушка, проходившая неподалеку, вздрогнула от неожиданности и мелко закрестилась.

— Ты чего людей пугаешь, баламут?! — выйдя из оцепенения, набросился на Кирюху Митрофанч.

— Да ладно тебе! Проскочим!

— Угу! Проскочили уже разок...

— Ты все ту рыбалку никак забыть не можешь? Эх, и нажрался ты тогда! — встрепенулся

Кирюха. — Помнишь, как пустой котелок себе на башку напялил и вокруг костра кругами маршировал — фашиста изображал?.. «Хенде хох!» — все кричал. А потом к проруби с боями прорывался, чтоб искупаться. Еле-еле я тебя оттащил...

— Помню, помню, — пробурчал Митрофаныч. — А еще я помню, как ты меня потом домой повез. Говорил тебе, что лед не выдержит. А ты, мол, на «УАЗике» проскочим... «Ты и не заметишь». Вот и проскочили. Машина аккурат посреди реки провалилась. Ее, кажись, только ближе к лету со дна-то подняли...

— Да ладно тебе, Митрофаныч! Кто старое помянет — тому глаз вон!

— А кто забудет — тому оба, — отрезал Иван. — Ладно... Пошли — пора. Смеркается уже.

Он встал с лавки и пошел к выходу. Пройдя несколько шагов, Митрофаныч оглянулся и увидел, что Кирюха топчется на одном месте.

— Ты идешь или нет?! Ждешь что ли кого? Так не придет никто!

— Иван, Иван, — вдруг растерянно забормотал Кирюха. — Как же так, Иван? Сегодня же родительская суббота!.. — По лицу мужика гроздьями катились пьяные слезы. Он бросился к другу и уткнулся в промокшую телогрейку.

— Как же так? Ты прости меня, за ради

Христа! — волком взвыл Кирюха. — Виноват я! Виноват! Из-за меня все так случилось! Не проскочили мы с тобой тогда!

— Да ладно... Чего уж там, — смущенно пробормотал Иван, глядя друга по голове. — Да простил я тебя уж давным-давно. Не держу зла. Успокойся. Ишь, захмелел-то как с непривычки... Ну, поплакал — и будет. Не проскочили, и не проскочили... Бывает... Успокойся... Ну, вот и ладненько, — Митрофаныч смахнул слезинку со своего лица. — Ты давай, иди... Я тебя догоню.

Кирюха пару раз шагнул и вновь остановился.

— Иван, — тихонько позвал он друга.

— Чего тебе? — повернулся к нему

Митрофаныч.

— А жалко, что мы так рано умерли...

— Не от нас это зависит, — пожал плечами Иван. — Ты иди, иди! Я сейчас...

Он в последний раз оглядел неухоженные могилки, подпрыгнул и, взмахнув вороненым крылом, взметнулся в темное небо.

Дорога

Электричка дернулась, лязгнув своими занемевшими железными суставами, и медленно поплыла прочь. Вокзал, завистливо глядя ей вслед,

поморгал на прощание желтыми фонарями. Уж такая у него незавидная участь — провожать поезда в дальний путь, а самому во веки вечные стоять на одном месте. Хотя не раз мечтала железобетонная коробка сорваться со своего опостылевшего поста и унести куда глаза глядят.

Вагон электрички был заполнен менее чем на половину — не многие отважились вылезти из теплых постелей ни свет ни заря и трястись в редких автобусах, чтобы успеть к отправлению. Я каким-то чудом заставил себя совершить подобный подвиг. Еще не отойдя как следует ото сна, я сидел на деревянной скамье у самого окна, вглядываясь в непролазную темень. Зимой, как известно, солнце долго нежится в небесной опочивальне, чтобы как следует выспаться перед долгими летними деньками.

Смотреть в темноту было неинтересно, поэтому я раздумывал, чем бы заняться в дороге. Вариантов на ум пришло сразу несколько. Можно поглазеть на пассажиров, почитать припасенную для дороги книгу или подремать под ненавязчивый стук колес. А когда рассветет, вдоволь полюбоваться на законный пейзаж. Оглянулся вокруг. Люди пытались кимарить, засунув носы в воротники, — ничего интересного. Впрочем, читать тоже не хотелось. Заснуть же в дороге мне и вовсе никогда не удавалось, несмотря на неоднократные

попытки. Во время путешествий лучше всего просто смотреть в окно. В такие моменты очень хорошо думается обо всем подряд, о чем обычно нет времени размышлять в суете жизненной кутерьмы. Да и мысли как-то плавно перетекают с одного предмета на другой. Начнешь, к примеру, размышлять о Вселенной, а затем незаметно для самого тебя изворотливая мысль вдруг заставит задуматься об инопланетянах. От них же неожиданно перескочит к вопросу о вездесущности Господа Бога, затем к человеческим лишениям, бедности, а закончится и вовсе какими-нибудь арифметическими вычислениями. В конце концов, забудешь, с чего начались все эти раздумья. Впрочем, это уже совсем не важно. На душе как-то легко и покойно становится. Хочется записать на бумагу все свои думки — да тут же и забудешь об этом и начнешь вновь размышлять о чем-нибудь другом.

Электричка, то и дело останавливаясь на полустанках, медленно выползла из города. В темноте размытыми очертаниями проступили окраины.

— И почему все города всегда начинаются и заканчиваются одинаково — какими-то облезлыми коробками заводов, бараками, складами, ржавой брошенной техникой, — думал я, зная, что вскоре мысль перескочит на какой-нибудь другой более

подходящий объект. — Разве нельзя построить на окраине красивые здания, а то въезжаешь в город, и радостное ощущение встречи с незнакомым тебе селением сразу же сменяется разочарованием. Везде одно и то же: мусор, грязь, хлам, ржавчина. Если бы весь этот бесхозный металл сдать, то, наверное, без особого труда можно заработать неплохие деньги.

Я тут же стал подсчитывать, какая выгода сулит предприимчивому бизнесмену, найдись такой. Арифметические расчеты нагнали дремоту. Под стук колес я начал засыпать...

— Люська-то Закладнова умерла. Вы, поди, ее знали, — выудил меня из забытья старушечий голос. Видимо, я все же каким-то чудом умудрился задремать на минуту-другую. Хотя, может быть, так только показалось, и времени прошло гораздо больше. Впрочем, мне без разницы: мимо своей конечной остановки я не проеду.

— А как же не знать? Знал, конечно, — ответил на вопрос невидимой старушки мужской голос. — Последний раз я ее видел годов пять тому назад. Хорошая женщина была, домовитая.

— А муж-то ее удавился полгода назад.

— Валька Закладнов? — удивился мужчина. — А из-за чего?

— Пить, говорят, после смерти жены начал. Уж больно сильно это дело полюбил. Напился

как-то раз да и повесился.

— Да, да, да, — отозвался старик. — Пить — это плохо. Нельзя пить. Ну, выпил рюмку-другую, и хватит. А много пить нельзя. Плохо это.

— Да сейчас все лопают. Мужики-то еще ладно, а вот бабы — совсем беда. Напьются и валяются под заборами. Смотреть тошно. Машка-то Смирнова из Берчовки от вина померла. Сердце не выдержало.

— Машка?! Смирнова?! Померла?! Вот не знал. Когда же беда случилась?

— Да года полтора назад. А вы разве не слышали?

— Нет. Я же в город перебрался. Редко кого из своих встречаю, — мужик надолго задумался.

— А вы Николай Иваныча, сына участкового, помните? — опять начал вопрошать старушечий голос. — Так он тоже помер.

— Да ну!

— Да... В городе на заводе работал. Домой возвращался — да и помер. А Нинку с дальнего конца помните? У нее избенка худая. У запруды стоит. Тоже померла!

— Что ж такое! — чуть не заорал я в голос. — Что за поминальная литургия. Этот помер, тот давился... Поспать не дадут! Только, было, в кои-то веки заснул! И на тебе! — я попытался вновь погрузиться в ускользящий сон, но скоро понял

тщетность усилий.

— Шурка с Балашихи тоже померла, — словно в насмешку, пробормотала бабулька. — А сын ее напился пьяным да утонул.

— Все! — решил я. — Теперь они не остановятся. Так и будут перечислять всех знакомых до посинения.

— Да ты что! Это плохо, плохо, плохо, — рефреном отозвался старик. Мрет народ-то.

Я искоса посмотрел на соседнюю скамейку. Там сидела пожилая пара. Старик с глубокими морщинами на лице глядел куда-то вдаль невидимым взором, словно перелистывал пыльные страницы своей памяти. Лица старушки не разглядеть. Одета, как и многие пенсионерки: в серый пуховой платок, старое пальтишко с потертым воротником из неизвестного науке животного и подшитые валенки. Изъеденные морщинами руки, подрагивая, лежали на коленях. Раздражение как-то сразу стихло и постепенно улетучилось. Вместо этого накатила грусть и жалость. Я вздохнул и уставился в окно. На улице уже почти рассвело.

Меня всегда поражало, как быстро и внезапно утренний свет изгоняет темень. Только что серая пелена покрывала все вокруг. Несколько минут — и уже светло. Как будто где-то там наверху кто-то невидимый включил светильник.

Сразу же прояснились покрытые снегом стволы поваленных деревьев, заиндевелившие лапы зеленых елей. Лес мчался за окном вприпрыжку, покачивая на прощанье ветвями. Никогда не успеешь смотреть на природу. Вроде бы картина за окном одна и та же, и в то же время совершенно другая. Вот мелькнул пень с огромной снеговой шапкой. Ворона растопырила шальные глаза. Склонившиеся ветки деревьев чуть колышутся от ветра. А сколько поваленных деревьев в лесу — не счесть. И никому до них нет никакого дела. Стояли когда-то, росли. Пришел их срок, грянули они на землю, да так и застыли подчас в самых нелепых позах.

— И Тонька Лукина тоже умерла, — вновь донесся до меня тихий неугомонный старушечий голос.

— Давно ли?

— О прошлом годе расхворалась она сильно. На постели лежала, не вставая, почитай несколько месяцев. А как-то дочь ее Настасья готовить удумала. Поставила на плиту сковородку с маслом. А сама умчалась куда-то, стрекоза! Масло-то и вспыхнуло. От него изба и загорелась. Прибежала Настасья-то, а уж поздно — полыхает вовсю. Тонька-то и сгорела. От дома только головешки остались.

— Да, да, да, — несколько раз задумчиво

прогудел голос ее собеседника. — Плохо это, плохо, плохо. Все умирают. Никого, почитай, с нашего года не осталось. Все в земле лежат. Скоро и нам туда.

Электричка остановилась на одном из полустанков, название которых вылетает из головы почти сразу же, как только состав тронется в путь. Все они похожи друг на друга, как снежинки за окном. Летом утопают эти полустанки в зелени, весной и осенью в грязи, а зимой в сугробах. И все же каждый раз, вглядываясь в незнакомое тебе селение, пытаешься вообразить: как и чем живут здесь люди, о чем мечтают и на что надеются. Сколько таких деревенок разбросано по всей матушке-России, не счесть...

Электричка, вновь дернувшись, покатила своей дорогой.

— А у вас сколько детей? — поинтересовался старичок. Видимо, перебрав всех своих знакомых, собеседники перешли на собственные персоны.

— Двое у меня. Оба закончили в Москве институт. Выучились на строителей атомных станций. Сейчас торгуют на базаре. Не нужна их специальность никому. Работают с утра до вечера. Хорошие у меня дети. Мне, когда только 25 лет было, я с машины упала. Все лицо себе разбила. Живого места на нем не было. Двадцать операций в больнице сделали. Кроили меня врачи, штопали.

Страшная я тогда была — жуть. Старшенькому тогда пятый годик шел. Он меня в больнице с мужем моим навещал. Как увидел в первый раз — на шею бросился. Я встать-то не могу. Рожу отворачиваю, а он плачет: «Мамка, ты у меня все равно самая красивая»... Хорошие сыновья у меня, — повторила она и ненадолго замолчала. — Сейчас одна живу в Болотихе. Сыновья в городе. Да мне в деревне-то лучше. Огород, хозяйство есть. Дети иногда навещают, помогают деньгами. На пенсию-то не проживешь. Мужа Степана схоронила. Семь годков, почитай, как в земле лежит.

— Степан? — переспросил старичок. — Помню его хорошо. Хозяйственный мужик был. Да и вина мало пил. Сейчас-то люди все больше на водку налегают. А раньше-то как весело было. На вокзале гармонист играл, плясали все, веселились. Выпьешь рюмку красного, другую — и все. А сейчас... Я тут недавно в Павловск заезжал по делам. На рынке встретил Матвеевну. Она тебе родня вроде, — внезапно перескочил он с одного на другое.

— А то как же! Трююродная сестра. Так что мы с ней так вот... Ой, станция моя, чуть не проспала. Заговорила. Будете в Болотихе — милости просим. Рада буду. Ну, ладно. Даст Бог, свидимся.

— Свидимся, свидимся, свидимся, — печально согласился старик. — Прощайте. — Он стащил с головы шапку, встал и поклонился в пояс. Старушка посеменила к выходу. Едва она вышла на улицу, двери с лязгом захлопнулись, и электричка поехала дальше. Дед помахал рукой, прощаясь с землячкой. Через несколько остановок сошел и он. Стало тихо. Никто не мешал спать.

— Елки-палки, елки-палки, — стучали колеса, убаюкивая путников. Снова потянуло в сон...

Внезапно мне почудилось, что я стою в последнем вагоне электрички перед дверью, ведущей на улицу. Я распахнул ее. В лицо ударил свежий ветер. Внизу, на рельсах, стояли недавние попутчики. Они пристально смотрели вслед уходящей электричке. Заметив меня, старики улыбнулись и помахали на прощание. Взявшись за руки, они повернулись и медленно побрели прочь.

Чай с медом

Евгений Иванович Матвеев распахнул скрипучие дверцы шкафа и пробежал взглядом по

темным закоулкам полок, заваленных бумагами. За огромной стопкой потрепанных тетрадей и толстых папок он нашарил тщательно спрятанную банку со спиртом. Потревоженная неожиданным вторжением, емкость затрясла от гнева жидкостью. За недолгое путешествие от шкафа до стола она дважды чуть было не выскользнула из трясущихся рук сельского врача. Солнечные зайчики, отражаясь от зеркальной поверхности спирта, сновали по полутемному кабинету, на миг освещая убогую обстановку.

Евгений Иванович уселся поудобнее в ветхом кресле и, поправив очки, придвинув к себе листы бумаги, выдернутые из тетради в клеточку. Взглянув на банку со спиртом, он вздохнул, словно старый морж, собиравшийся нырнуть в ледяную купель, и вывел на чистом листе: «Зайцы. Рассказ».

«Василий Никонорычев не просыхал уже неделю». Вспомнив, что, кажется, когда-то уже начинал один из рассказов подобными словами, Евгений Иванович зачеркнул написанное.

«Василий Никонорычев пил без продыху уже семь дней, — неразборчивым подчерком, какой бывает только у врачей и двоечников, написал Матвеев. — В его однокомнатной холостяцкой квартире, заваленной бутылками, было накурено и нестерпимо воняло помоями. Васька очнулся от сна. Сползши на грязный пол с кровати, он на

четвереньках добрался до стола. Башка трещала и требовала опохмела. Отыскав бутылку, Васька потряс ее и, услышав бульканье, улыбнулся...

— И чего это он у меня лыбится? — подумал Евгений Иванович. — С бодуна, и туда же — зубы скалит. Хрен меня с похмелуги рассмешишь — хоть тресни.

Врач плеснул из банки спирта в стакан и, зажмурившись, словно кот от яркого света, выпил. — Ну, да Бог с ним, пускай ржет, — подумал он о герое своего будущего творения. — Может, у него не сильное похмелье, а так — чуть-чуть.

Евгений Иванович заставил Ваську выпить без закуски стакан водки, закурить и, следуя заразительному примеру своего героя, тоже потянулся за сигаретами. Чиркнув зажигалкой, врач затянулся дымом и уставился в окно. За ним вовсю шумела, щебетала и голосила поздняя весна. Березы, всплескивая на ветру гибкими ветвями, мели пыль возле стволов, словно работники учреждений, которых выгнали на субботник.

Старая деревенская больница стояла посреди рощи чуть в стороне от Березовки. Никто из местных жителей уже не помнил, почему именно так, а не иначе, назвали их деревню. Любопытным же заезжим гостям объясняли, что свое имя она получила из-за берез, коих растет в окрестностях

превеликое множество. Но так это было или нет, никто точно не знал. По крайней мере, версия про березы выглядела более-менее правдоподобной. И дерево это жители небольшой деревеньки почитали и любили. Впрочем, березка мила для каждого русского сердца.

Какое не сравнимое ни с чем наслаждение испытывает человек, оказавшись наедине с самим собой в роще. Иногда невнятные чувства, которые невозможно выразить никакими словами, начинают тревожить душу. Наваливается безысходная тоска, и хочется залиться горькими слезами, выплакаться так, чтобы вся горечь сомнений и тяжесть прожитых лет ушла вместе с ними. Или хочется напиться вдрызг, горланить песни, плясать, как сумасшедший скоморох, творить дикие глупости, а потом свалиться под березу, проспаться и встать совершенно другим человеком. А иногда, прислонившись лбом к берестяному стволу, думаешь, как было бы хорошо, если бы жизнь оборвалась вот именно прямо сейчас, в сию же минуту...

Почему березы оказывают на человека такое чудодейственное воздействие, никто не знал. Евгений Иванович не раз размышлял об этом. В конце концов, врач решил, что, бродя в одиночестве среди берез, человек становится именно тем, кем является на самом деле. Он перестает притворяться

и врать самому себе. Правда, потом, оказываясь среди себе подобных, опять начинает кривить душой. Но каждый раз, когда человек видит березу, то на краткий миг, который невозможно уловить, вспоминает, что на самом деле он совсем другой: честный, хороший и добрый. И не лукавил он перед собой тогда, когда был в роще. Может быть, именно поэтому русский человек так любит березы.

Сейчас Евгению Ивановичу хотелось вырваться на волю из опостылевшего за долгую службу кабинета и бежать куда глаза глядят: за тридевять земель, в тартарары, к черту на кулички, только куда-нибудь подальше. Нестись сломя голову, не оглядываясь назад, ни о чем не сожалея...

Евгений Иванович, вздохнув, вернулся к своей писанине. Он принудил Ваську еще раз выпить и закурить.

— Нет, так дело не пойдет. Сколько раз ни писал рассказы, а во всех и главные, и второстепенные персонажи только и делают, что водку с утра до вечера лопают. Как будто им больше заняться нечем, — с раздражением подумал врач и зачеркнул последний абзац. — А может быть, все оттого, что сам я с банкой спирта не расстаюсь: яблоки от яблони... Ладно! Хватит Ваське бухать! Пора запускать еще какого-нибудь героя. Нужен человек, который наставит его на

путь истинный.

«Тук-тук-тук, — постучал кто-то в дверь. Никонорычев хмуро посмотрел на нее и поплелся открывать».

— Ага. Это хорошо, — мелькнула мысль в голове у Евгения Ивановича. — У него и звонка нет. Допился, значит — пропил даже звонок. Это правдоподобно.

«На пороге стоял давнишний приятель Демьян».

— К тебе можно, Женька?

— Женька? Какой еще Женька, — в голос заорал Матвеев, вскочив как ошпаренный с кресла. — Почему Женька! Васька! Васька! — гаркнул врач и только тут заметил побледневшую, как полотно, старушку.

— Сам ты — Васька! Испугал до полусмерти, Ирод окаянный. Щас дам клюкой по кумполу, чтоб не обзывался. Я для тебя — Василиса Тимофеевна. Понятно!

— А, это ты, Тимофеевна, — стал оправдываться врач. — А я тут задумался немного и не заметил, как ты вошла.

— Так я же постучалась, а ты и говоришь: «Войдите». Я и вошла.

— А, ну, верно, верно, — пробормотал Евгений Иванович. — Звонок-то нет. Пропил.

— Какого еще звонка? — удивилась

Тимофеевна.

— Да нет, нет! Это я так. Мысли вслух, — замахал руками Матвеев. — Проходи, проходи, садись.

Тимофеевна уселась на краешек стула и взглянула на стол.

— Опять пьешь и опять что-то пишешь. Все никак не утомнишься. Целый шкаф, поди, писульками завален. А во сколько журналов ты свои пьяные бредни посылал? Сам, наверное, забыл. А ведь какая светлая голова у тебя была. Ты ж у меня в школе в отличниках ходил. Помнишь?

— Да помню я, помню! — огрызнулся Евгений Иванович.

Уже тридцать с лишним годков прошло с тех пор, как Матвеев закончил школу. Но каждый раз, разговаривая со своей первой учительницей, чувствовал себя провинившимся двоечником. А тут еще угораздило его назвать Тимофеевну по старой школьной кличке Васька, на которую та жутко обижалась.

Тем временем Тимофеевна продолжала пересказывать Матвееву биографию:

— После школы на врача пошел учиться. А домой вернулся и лечить стал, и пить, как лошадь. Не ждала я от тебя этого. Что ты пристал к этой дряни, — пальцем, как указкой, ткнула она в банку со спиртом. — Сидишь, сам с собой лопаешь. А

помнишь, когда с учебы, с города вернулся, все говорил: «Буду людей лечить и писать, как Антон Павлович». Да ладно, чего уж теперь об этом говорить. Обрато жизнь не воротишь. Как сложилось — так и получилось, — старушка помолчала. — А я к тебе с жалобой пришла. Что-то в груди болит, и кашель не проходит. Посмотри, будь добр.

Красный, как вареный рак, врач принялся осматривать пациентку. Затем он уселся за стол и стал быстро черкать рецепт.

— У тебя, Василиса Тимофеевна, жуткий бронхит, — поправляя на носу очки, сообщил Евгений Иванович, — будешь принимать таблетки и пить чай с медом. Все пройдет.

— Опять чай с медом, — вздохнула Тимофеевна. — У тебя от всех болезней один и тот же рецепт. Бронхит прихватил, понос прошиб, или голова болит — чай с медом. Помнишь, год назад к тебе Колька Косой пришел. У него по телу пятна пошли. Ты Кольке тогда свое фирменное средство прописал. Чуть не помер мужик. Он на пасеку мед воровать поперся. Пчелы его и поцапали, как следоват. А у него аллергия на укусы оказалась. Когда чуток оклемался, он те едва морду на бок не своротил.

— Помню, — помрачнел Евгений Иванович. — Дикие, неграмотные люди. Чего с них

взять! А чай с медом — первое дело от всех болезней.

— Может, и от рака спасает? — ехидно поинтересовалась Василиса Тимофеевна.

— А такой болезни и вовсе нет. Это все профессора в университетах напридумывали. Я даже одному академику статью на этот счет послал. Только он не ответил — занят, наверное, слишком.

— Да ну! — всплеснула руками учительница. — А от чего же люди умирают?

— От глупости и страха, — приосанился Матвеев и приготовился к пространной лекции об исцелении от несуществующей болезни. — Рак — это...

— Сам ты от глупости скоро помрешь, — оборвала его на полуслове Тимофеевна и поплелась к выходу. — До свидания, «Чай с медом»...

Выйдя из кабинета, она, постояв и подумав, пошла к другому врачу.

А Евгений Иванович вновь пододвинул к себе рукопись:

— Итак, на чем мы остановились...

«Заходи, — мрачно пробурчал Васька, впуская друга. — Выпить хочешь?»

— Ну вот, опять пьют, — вздохнул Матвеев. Заставив друзей выпить по стакану-другому и покурить, врач перешел к сцене перевоспитания Васьки.

«Слушай, сколько можно пить? — спросил Демьян. — Целыми днями напролет бухаешь. Тебе заняться больше нечем».

— Где-то я это уже слышал, — мелькнула мысль у Евгения Ивановича, но он не стал вспоминать, где именно, стараясь побыстрее закончить рассказ.

После долгих увещеваний Демьяна Васька решил стать другим человеком.

«Все! — пообещал он. — Завязываю. С этого дня — ни-ни. Займусь делом. Буду делать бизнес — разводить зайцев.

— Кого-кого? — не понял друг.

— Зайцев, то есть кроликов, — пояснил Васька. — Знаешь, какое мясо сейчас дорогое? А плодятся они, ну, как... кролики.

Не откладывая дело на потом, он привел себя в порядок и поехал в город покупать пару породистых кроликов».

— Беда с этим Васькой, — занюхивая горбушкой хлеба очередную порцию спирта, удивлялся Евгений Иванович. — Придет же в голову такая бредовая идея. Кроликов он решил разводить.

Тем временем в рассказе происходили бурные события. Через полгода у новоявленного предпринимателя по клеткам сновало около сотни ушастого товара. Васька ездил на рынок, торговал

диетическим мясом, шил кроличьи шапки. В кармане появились деньги. Евгений Иванович нарадоваться не мог на своего героя. От счастья он все чаще и чаще прикладывался к банке со спиртом. Но вдруг в его полупьяный мозг закралось сомнение.

— Не бывает так, — внезапно решил Матвеев. — У нас на Руси как обычно: начинают за здоровье, а кончают за упокой. Много ли я удачливых мужиков видел — почитай что никого. Тянут жилы, а толку — кот наплакал. Правильно кто-то из великих сказал: «Никогда мы в России хорошо не жили, не хрена и начинать».

Врач тяжело вздохнул и обрушил на голову бедного Васьки тридцать три несчастья. Все у него пошло наперекосяк. На зайцев напал жуткий мор. Они окочурились в один момент. Осталась только одна пара.

«Он вынес зайцев во двор и усадил на пышную траву.

— Убирайтесь отсель, — мрачно произнес Никонорычев. — Ступайте куда глаза глядят. А-то тоже подохнете.

Кролики, которые впервые очутились вне тесной клетки, ошалело тарацились на солнышко.

— А ну, валите отсюда! — прикрикнул на них Васька. — Кролики продолжали неподвижно сидеть на траве. — Идите на хуй! — заорал

разъяренный хозяин. — Ах, так! — Он ринулся в сарай и схватил то, что попало под руку.

Увидев несущегося с топором Василия, зайцы окосели окончательно. Они уселись на задние лапы и стали яростно скрести за ушами, словно на них внезапно напала чесотка.

Топор вывалился у Василия из рук. Злость вмиг улетучилась. Никонорычев рухнул рядом с зайцами и зарыдал, прижимая их к себе».

Ручка быстро бегала по бумаге, дописывая конец рассказа. Слезы текли по щекам автора. Наконец, он поставил точку и уткнулся лицом в ладони.

За окном все так же манили вдаль березы. Птицы звонко распевали песни. Одна из них подобралась к самому окну и, потренькав, принялась долбить клювом по стеклу. Стук становился все настойчивее.

— Ишь ты, неугомонная какая, — подумал Евгений Иванович. — И чего ей надо? — Он глянул в окно. Вместо птахи в стекло барабанила маленькая девочка.

— Настенька, — выдохнул Матвеев. — Внучка!

Распахнув окно, он втащил в кабинет трехлетнюю кроху.

— Ты откуда здесь появилась? А выросла-то как, — не слушая ответов, тараторил он.

— Бать! — раздалось с улицы, и в окне появился сын Матвеева Николай. — Заработался ты что-то. Мы тебя ищем-ищем. С ног сбились. Больницу-то давно закрыли, а ты все сидишь. Мы уж думали, случилось чего. Николай перекинул ноги через подоконник и шагнул в кабинет отца.

— А мы к тебе в гости приехали.

Он посмотрел на стол, заваленный кипами бумаг, и на полупустую банку.

— Ты все пишешь...

— Да это я так. Для себя, — стыдливо пробормотал Евгений Иванович. — Пока посетителей нет.

— А мы тебе подарок привезли, — Николай достал из-за пазухи небольшую книжицу. — Помнишь, ты в издательство несколько рассказов посылал? Так они опубликовали. Правда, тираж небольшой. В магазинах книги не найти. Раскупили все.

Не веря своим глазам, Евгений Иванович схватил книгу.

— Так что, отец, пиши больше, — улыбаясь, заметил сын. — Глядишь, классиком станешь.

— Больше? Да знаешь, сколько у меня этих рассказов? — Он подскочил к шкафу и резко распахнул дверцы. Из шкафа посыпались исписанные листы. — Тут на несколько томов хватит.

— Да... — озадаченно, — произнес Николай.

Помогая отцу собирать рукописи, он прикидывал, во сколько ему обойдется издание еще одной книги. Решив, что как-нибудь наскребет, Николай успокоился.

— Дедуська, я домой хочу, — пролепетала Настенька. — Посыли к бабушке.

— Сейчас, сейчас, родная, — сказал Евгений Иванович. — Уходить будем через окно.

Выбравшись наружу, врач снял с подоконника девочку.

— Сын, ты куда запропастился? Пойдем быстрее! — крикнул он, утопая в зеленом шуме берез.

— Сейчас иду, — отозвался Николай. — Он стоял у стола и читал последние строки только что законченного рассказа.

«Наплакавшись досыта, Василий успокоился. Прижимая к своей груди оставшихся в живых зайцев, он отправился домой. Долго в этот вечер Никонорычев сидел за столом, что-то подсчитывая и чертя на листах бумаги. Наконец, он отложил в сторону ручку.

— Все, — радостно сообщил Василий скакавшим под ногами кроликам. — Решено. С завтрашнего дня начну разводить шиншилл».

Рыбалка

Странная это штука — предрассветные сумерки. Все вокруг тебя теряет форму и четкие очертания, расплываясь щупальцами клякс. Знакомые предметы превращаются в неведомых существ, насупившихся и вззирающих из-под косматых бровей. Перешептываясь, они злорадно сговариваются, как бы похитрей, поизысканнее и бесшумнее навредить вторгшемуся в их вотчину. Вот и сейчас, шагая по прямой, как стрела, тропинке, Николай Федорович не узнавал леса. Бывало, при свете деревья радостно приветствовали его птичьим щебетанием, помахивая ветвями рук. Сейчас же в утренней мгле они молча и злобно взирали на гостя. Встав дырявым частоколом, березы, клены и осины тянули к нему свои длинные лапы. Не раз они пытались сдернуть удочку с плеча путника, но та легко выскользнула из корявых пальцев.

Каждый шаг отзывался тусклым гулом, будто шел Николай Ширяев не по земле, а по паркету. Иной раз казалось, что и не тропинка это вовсе, кружившая среди деревьев, а длинный коридор в каком-то пустынном захолустном учреждении. Сходства добавляли повороты. Они не были плавными, как обычно, а под девяносто градусов.

Николай Федорович, задумавшись, чуть было

не шагнул в воду, но сумел вовремя остановиться. Так случалось почти каждый раз. Никак не мог приноровиться Ширяев к особенностям тропинки, выскакивающей прямо на берег.

Внезапно блеснувшее солнце, доселе скрытое лесом, на мгновение ослепило его заплывавшими на воде золотистыми бликами. Николай зажмурился, а затем приоткрыл глаза. Сквозь узенькие щелочки век осматривал он знакомые окрестности. Ничего не изменилось с тех пор, когда он был здесь в последний раз, хоть и ловил рыбу обычно в середине дня или под вечер. Ни свет ни заря явился же впервые. Поэтому и пруд выглядел не так, как всегда: сонным, вялым и безмятежным.

Чуть заметный ветерок, дувший откуда-то сверху, морщил недовольную физиономию невыспавшегося за короткую летнюю ночь водоема. Покачивавшиеся ивы полоскали в иссиня-прозрачной воде блесны листьев, роня мусор из зеленой шевелюры.

Местные жители прозвали водоем Иваном. Почему, они и сами не смогли бы растолковать. Впрочем, было одно объяснение. Пруд своими размерами и очертаниями напоминал сантехническое изобретение человечества — ванну. И рыбы там водилось — кот наплакал. Поэтому никто, кроме Николая Федоровича, и не рыбачил там. К попыткам Ширяева поймать в Иване хоть

одну рыбешку местные жители относились с насмешками. Но тот ходил на рыбалку даже не за уловом. Просто хотелось посидеть в тишине, подышать свежим воздухом и подумать. Подумать о чем-нибудь своем.

Постоянные ухмылки в конце концов надоели Николаю, и он решил рыбачить ни свет ни заря, чтоб никто не мешал.

Николай Федорович, выудив из консервной банки червяка пожирнее, насадил на крючок и забросил снасть чуть ли не на середину прудика. Гусиный поплавок булькнул и, на мгновение скрывшись в воде, медленно высунул малиновую макушку на поверхность.

— Ну, теперь ловись, рыбка, мала и велика, — прошептал Николай Федорович, усевшись на край отвесного берега. Оглядевшись по сторонам, Ширяев заметил, что не один. Неподалеку от него сидел незнакомец, который швырял в Ивана мелкие камешки.

— Шлеп, шлеп, шлеп, — словно капли из плохо закрученного крана.

— Утро доброе, — поздоровался Ширяев. — Тоже не спится? Что-то раньше я вас здесь не встречал. Вы, наверное, новенький?

Незнакомец кивнул головой.

— Рыбы здесь маловато, — продолжал разговор Николай. — Вот старики рассказывали,

что раньше в Иване она кишмя кишела. Руками можно было ловить. А теперь сидишь целый день — и ни одной поклевки. Я уж какую только наживку ни пробовал: и червей, и хлеб, и даже тесто с анисовыми каплями мешал для запаха — ничего не помогает. Меня, кстати, Николаем зовут. А вас?

— Паша, — будто маслом плеснул на раскаленную сковородку незнакомец.

— Здесь рыба редко клюет, — продолжил Николай, — но если уж ухватится, то только крупная.

Павел молча продолжал кидать камешки.

— Странное дело, — пробормотал Николай, выуживая склизкого червяка из консервной банки. — Вот их едят рыбы. Черви растворяются и становятся как бы частью рыбы. Выходит, что все карпы, щуки и прочие караси состоят из червяков, которых люди и едят. Зачем тогда ловить рыбу, если просто можно копнуть пару раз и спокойно поужинать? Вам так не кажется?

Павел покачал головой.

— Вы не обращайтесь на меня внимания, — сказал Ширяев. Он поправил очки и вытер руки о полосатую пижаму. — Это я так. Рассуждаю сам с собой. Если хотите — развлекаюсь. Мысли, конечно, глупые. Но, согласитесь, любую нелепость можно запросто сделать истиной. Все зависит о

того, кто и как это делает.

Вот вы, как и я, ни за что не поверите, что рыба — это на самом деле черви, которых она съела. И пить пиво с червями, а не с лещами, как и всякий нормальный человек, не будете. А если к моим абсурдным рассуждениям добавить высказывания пары-тройки ученых? Они заявят, что рыбы на 90 процентов состоят из клеток червей? Журналисты раструбят эту сенсационную новость. А от себя добавят, ссылаясь, конечно, на источники, внушающие доверие, что пища из червей помогает: женщинам сбросить лишние килограммы, у мужчин повышает потенцию, и вообще этот продукт совершенно незаменим для здоровья. На телевидении выйдет реклама. В ней звезды эстрады и кино станут красиво закусывать пиво замороженными червячками... Молодежи докажут, что закуска из червей — только для продвинутых людей. И постепенно все откажутся от жареной рыбы с лучком. Тем более, что новейшие исследования докажут: это блюдо вызывает рак, кариес и перхоть. Вот вам смешно, а в некоторых странах уже делают из червей печенье. И ничего — людям нравится.

Поэтому обмануть человека весьма легко. Тем более что напрягать извилины и отличать правду ото лжи давно уже никто не хочет. Так жить проще. Скоро даже своим органам чувств перестанем

доверять. Мерзость мы станем считать лакомым куском, вонь — благовонием, а уродливое — красивым. Тем более наши органы чувств весьма примитивны. Мы попросту не замечаем того, что творится вокруг нас на самом деле. Уши улавливают не все звуки, глаза видят только в определенном спектре, а нос уже давно превратился в бесполезный придаток. Вот сидим мы сейчас на берегу пруда. А может быть, это и не так вовсе. И все нам это только кажется.

Нет! Ничего не клюет в этом пруду! — вдруг сердито прервал собственные рассуждения Николай Федорович. — Бестолковое дело! Пожалуй, и, правда, надо подыскивать более рыбное место...

Ширяев замолчал и, задрав голову, уставился на солнце. Ослепленный золотистым светом, он закрыл глаза. В темноте пред ним продолжал стоять огненный шар. Подождав, пока тот не испарится, Николай взглянул на поплавок. Гусиного пера не было.

Согнувшись на мгновение в дугу, удилище выбросило на берег карася чуть больше ладошки. Ширяев сначала даже не понял, что произошло. Но, опаматовшись, кинулся брюхом на плясавшую рыбину и засунул ее в пакет с водой.

— Все, сейчас клев пойдет, — потирая руки, объявил он и вновь закинул удочку. — Так на чем мы остановились?

— Доктор! Николай Федорович, куда вы запропастились?! — слышались совсем неподалеку. — Отзовитесь!

— Ну вот... Половил рыбку, называется. И тут нашли. Здесь, я здесь! — заголосил он.

Через несколько секунд зашуршавшие кусты выплюнули двух мужиков в белых халатах. Довольно странное зрелище представляли они из себя. Один из них был долговяз, бледен и длинноволос. Второй же, напротив, небольшого роста, с широкими плечами и красным, как свекла, лицом. Выпученными глазами он напоминал какую-то неведомую науке рыбину.

— С кем это вы тут разговариваете? — спросил худой.

— Да вот, Дмитрий — вздохнул Николай. — Объясняю Павлу, что рыбы в этом пруду немеряно. Только уметь ловить нужно. А он не верил, пока я карася не вытащил. Хороший такой карась. Грамм на двести — не меньше.

— Какому такому Павлу? — удивился толстячок.

— Да вон сидит, — кивнул Николай и повернулся к своему новому знакомому. Того на месте не оказалось.

— Видимо, ушел, пока я с карасем возился, — немного смутился Ширяев.

— Ну-ну, — переглянулись санитары. — Хоть

улов тогда покажите...

Николай протянул им пакет с плескавшейся рыбиной. Те уставились на нее, как будто никогда в жизни не видели карасей.

— Действительно, карась, — наконец промямлил коренастый. — Ладно, пора собираться, Николай Федорович.

— А может, вы без меня сегодня как-нибудь обойдетесь?

— Нет, Николай Федорович. Без вас никак нельзя. Сами знаете.

Кряхтя, Ширяев поднялся с берега. Через минуту троица шагала среди деревьев. Рыбак, весело помахивая пакетом, насвистывал под нос какую-то незамысловатую мелодию. Он прикидывал, во сколько завтра проснуться, чтобы вновь пойти к Ивану.

Выйдя из зарослей, Доктор с подчиненными зашагали по асфальтированной дорожке, ведущей к желтому одноэтажному зданию клиники, утопавшей в зарослях полыни, репейника и крапивы. Пройдя сквозь скрипучую калитку, врач поднялся на крылечко и вошел в клинику.

В своем кабинете Ширяев первым делом выпустил карася в большой аквариум. Немного понаблюдав за тем, как ошалевшая рыбина приходит в себя, Николай Федорович подошел к окну и глянул сквозь запотевшие от времени

стекла. Больные уже вышли на прогулку. Они медленно прохаживались, иногда собираясь в небольшие группы и беседуя.

Ширяев снял с себя полосатую пижаму и надел белоснежный докторский халат. На правом нагрудном кармане синими нитками были вышиты инициалы.

«НФШ», — в который раз по привычке прочел Ширяев и улыбнулся. — Мой, именной...

Усевшись за поцарапанный стол, Николай Федорович достал из ящика папку:

— Не получилось у меня сегодня разговора с новым пациентом. Как его там зовут? Павел?

Открыв дело новичка, Доктор углубился в изучение бумаг. Так и просидел до самого вечера врач, изредка вставая и прохаживаясь в раздумьях по кабинету. Лишь когда из-за сумерек стало трудно разбирать буквы, Ширяев опомнился.

— Ничего себе, — удивился он, взглянув на часы. — Уже почти 10. Странно, что так время быстро пролетело. Пора, пожалуй, и на боковую. А-то завтра всю рыбалку просплю. Раздевшись, Ширяев запрыгнул в койку.

Ночью Николаю Федоровичу приснился странный сон. Карась, которого он поймал, выпрыгнул из аквариума и забился на полу в судорогах. Задние плавники вытянулись и превратились в ноги с лапами, а передние

обернулись руками. Только голова осталась рыба. Похватав оскаленным ртом воздух, полурыба встала на ноги и прошлепала к выходу.

2

Почему-то во всех больницах двери неплотно примыкают к косякам. Ночами через щели из коридора пробиваются узенькие полоски света, расчерчивая стены и потолки палат. У пациентов, которые подолгу лежат в больницах и мучаются бессонницей, эти лучики вызывают неприятные чувства. Кажется, что ты один на всем белом свете, позабыт-позаброшен и абсолютно никому не нужен. Лишь звуки дают понять, что есть еще люди на этом свете. Вот кто-то из соседней палаты прошаркал тапочками по паркету, отправляясь по своей надобности. Скрипнула дверь в туалете. Зажурчал ручеек, и вслед за этим заревел недовольный таким оборотом дела унитаза. Потом вновь шарканье и скрип двери — ночные звуки в клинике не отличаются разнообразием. А когда кому-нибудь становится плохо, добавляются новые — стоны, сдержанные крики команд, топот и кашель разбуженных людей. Но поменьше бы таких звуков...

Дмитрий большую часть своей жизни провел в клинике. Там он и дневал, и ночевал. А потому

тоже не любил надоедливые лучи, пробивающиеся в палату из коридора. Вот и сейчас, отдыхая после работы, он с ненавистью смотрел в потолок, где разлеглась полоска света. Наконец, тяжело вздохнув, он сел на кровати. Та жалобно скрипнула — еще один привычный звук ночи.

— Ты не спишь что ли? — раздалось с соседней кушетки. Вадим приподнял голову с тощей подушки. — Я тоже. Никак не привыкну здесь. Неудобно спать — сетка чуть ли не до полу провешивается. Того и гляди, спину сломаешь. Неужели нельзя нормальные кровати поставить, а то так в верблюда недолго превратиться. Ходи потом с горбом, пока тебя могила не исправит. Да еще мысли в голову всякие лезут. Бывало, так полночи проворочаешься с боку на бок. Думаешь, думаешь обо всем на свете. Аж мозги набекрень. В башке черт-те что творится. Лежишь, пытаешься поймать ускользающие даже не мысли, а какие-то их обрывки. Только-только покажется, что поймал. Бац — она и исчезла. И все заново начинается. Бред какой-то! У тебя такое бывает?

— Да. Как и у всех, — ответил Дмитрий. — Всякое в голову ночью приходит. Я вот в последнее время все о матрешках думаю. Ну, точнее, не о раскрашенных куклах, а о об их принципе... Понимаешь, это вроде как жизнь человеческая... Вот, к примеру, есть самая маленькая кукла. Это

как бы младенец. Потом он подрастает, и матрешка-младенец прячется в другую — побольше. Еще вырос — новая матрешка. И так, пока смерть не придет. Это самая большая матрешка — последняя.

— Н-да, — промычал Вадим. — Понимаю. Вроде как форма и содержание литературных произведений, про которые нам в институте рассказывали. Они как бы друг на друга влияют. Плохо уж помню. Если это к твоим матрешкам привязать, то получается, что самая маленькая матрешка — идеал. Она же из цельного дерева сделана. В нее уже ничего не запихнешь. Есть в ней и форма, то есть внешний вид, и содержание — то, что принято называть душой. Позднее человек подрастает и становится школьником. Причем происходит это именно тогда, когда на него ученическую форму надевают. Правда, не везде она есть, но сути дела это не меняет. Ведь имеется же у каждого ученика одежда, в которой он ходит на занятия. Таким образом, маленькая матрешка — младенец помещается в еще большую — школьника. Заметь, что младенец никуда не девается, а сидит преспокойно себе внутри. Затем человек либо идет в армию, где ему выдают форму, либо в студенты. Дальше работа где-нибудь на предприятии, заводе, в учреждении — неважно... Опять новая матрешка. И так до бесконечности,

пока на человека не наденут последнюю форму — костюм либо платье с белыми тапочками.

Н-да. Если так рассуждать, то из-за этих самых форм и сущность человека-то меняется. Нацепи, скажем, генеральский китель, и подольше поноси, так со временем и станешь считать себя генералом. А что до этого носил, и не вспомнишь. Будешь думать, воспринимать одежду, как собственную кожу. Поэтому самое главное в нашей жизни — это одежда.

Хотя на самом деле ерунда все эти рассуждения. Как будто нельзя свою кожу от одежды отличить?!

— А может, просто не хотим? Ведь так удобнее и спокойнее. К тому же мы настолько отупели, что уже просто не в состоянии воспринимать вещи в том виде, в котором они существуют на самом деле.

— Занятно. Вот только доказательств всему этому нет!

— Ну, почему? — Дмитрий поднялся с кровати и включил свет. Вадим на мгновение зажмурил глаза.

Когда он их открыл, то приятель ходил по палате, дожидаясь, пока тот попривыкнет к свету.

— Возьмем, к примеру, нашего Доктора — Николая Федоровича. Что ты о нем можешь сказать?

— Насколько я успел заметить, у него «не все дома», — стал рассказывать Вадим. — Это надо же удумать — ловить рыбу в Иване!..

— Ты думаешь, это странно?

— Странно? Я бы назвал это другим словом! Я понимаю, любит человек рыбу ловить. Ну, и иди себе на пруд или озеро. Зачем на краю ванны-то сидеть? Кстати, какое-то странное название в нашей психушке дали этому корыту — Иван. Еще бы Петром назвали. Сидит этот псих Ширяев каждый день в помоечной и счастлив выше крыши. Сегодня вот с каким-то Пашей познакомился. С душем что-ли? Черт его знает. Птички, видите ли, у него поют. Деревья кругом растут. Ага! Пока до ванны по коридорам топаешь, лишь фикусы всякие в кадках встретишь. А ему лес дремучий кругом. Идет, радуется... Ну что, не псих разве? Ладно, хоть не буйный. Видимо поэтому ему администрация разрешает чудить.

— Хорошо, допустим, ты прав, — загрустил Дмитрий. — А как же Доктор умудрился в ванне поймать карася? Там рыбы, сам знаешь, нет...

— Вот это-то самое удивительное, — развел руками Вадим. — Сам ума не приложу. Разве что для смеха кто запустил... Вот рыбина с голодухи на крючок и насадилась.

— Может быть, — еще задумчивее заметил Дмитрий. — Ты считаешь Доктора психом, а где

этому доказательства?

— Я ж тебе только что все доказал! — изумился Вадим.

— Нет, подожди. Ты только поведал о том, что чудится Доктору, и что сам видишь. Почему ты думаешь, что его видения лживы, а твои — нет. А может быть, все наоборот?

— Да тогда бы не твой любимый Доктор в полосатой пижаме ходил, а я!!! — взорвался Вадим.

— Вот мы и возвращаемся к теории матрешки. Ты же сам утверждал, что люди видят лишь то, что снаружи, а не то, что внутри. О человеке мы судим по одежке, а его истинную сущность не замечаем!

— Да чего я не замечаю?! — заорал Вадим. — Вот халат санитаря, — он рванул одежду на груди, так что пуговицы разлетелись по сторонам. — Под ним ничего нет, жара потому что несусветная! Или ты скажешь, что сейчас на улице сугробы?!

— Этого я говорить не стану, — печально проговорил Дмитрий, уставившись на приятеля. — Хотя все может быть.

Вадим проследил за взглядом Дмитрия. Опустив глаза, он взглянул на свою голую грудь. Пропотевшая от жары кожа была сероватой. Грязь постепенно темнела, приобретая синий оттенок. Потки пота, оставившие светлые борозды, становились все ярче. Не прошло и полминуты, как

они превратились в белые ровные полосы. Вадим с ужасом смотрел на превращения. Обхватив внезапно разболевшуюся голову, он рухнул на кровать и, уткнувшись в подушку, завыл.

Дмитрий, словно маятник, медленно прохаживался по палате от окна с решетками до двери. Подождав, пока тот успокоится, он подошел к приятелю и сел рядом на привинченную к полу кушетку.

— Ничего страшного, — погладив по плечу Вадима, сказал он. — Зато мы теперь знаем правду.

— Да кому она нужна — твоя правда?! — взвился тот. — Что я с ней делать буду?! Шизик, который знает правду!.. Здорово! Дальше-то что? Прожить остаток жизни в психушке, зная, что не напрасно в ней сидишь! Да лучше бы я вообще ни о чем не думал и не знал! Ощущал бы себя санитаром и в ус не дул! Что мне делать! Так, так, так... Содержание... Форма... — лихорадочно забормотал Вадим, бегая из угла в угол. — Содержание... Форма... Одежда. Мне нужна другая одежда. Я ее утром надену и забуду обо всем! Воспоминания, конечно, иногда станут возвращаться во сне. Но это не страшно. Мало ли кому чего снится. Так! Где бы мне раздобыть другую одежду?!

Вадим ринулся к шкафу и распахнул его. Казавшийся снаружи небольшим, тот оказался на

удивление глубоким. На вешалках висели кители, халаты врачей, санитаров, рабочих, спецовки... На полках лежали фуражки, кепки, панамки, строительные каски. Внизу — разная обувь. Имелись даже ласты, которые кто-то запихнул в дальний угол. Этого вполне хватило бы, чтобы одеть с полсотни людей. Вадим, вытаращив глаза, смотрел на все это изобилие. До этого он ничего подобного в шкафу не видел.

— Ладно. Завтра с утра влезу в какую-нибудь очередную матрешку. А теперь спать! — скомандовал он сам себе и, содрав халат вместе с полосатой пижамой, запрыгнул в постель.

Дмитрий печально смотрел на своего приятеля. Постояв с полминуты у его постели, он выключил свет и улегся на свою кровать. Долго смотрел санитар на полосу света на потолке, размышляя о форме и содержании человека. Лишь когда забрезжил рассвет, провалился в бездну сна.

Буквально через час после этого Вадим очнулся. Ему ужасно хотелось пить. Пьяный ото сна, еще не понимая, кто и что он такое, Вадим, врезавшись в шкаф, отворил створку и зашел внутрь. Сообразив, что попал не туда, вышагнул обратно. Поежившись от холода, он вынул первую попавшуюся обувку и прошлепал в коридор.

От шараханья Вадима проснулся Дмитрий. Услышав, как тот проковылял в лаптах из палаты,

Санитар улыбнулся. Он потянулся на кровати, стараясь не помять изящного камзола.

— А ведь Доктор, как всегда, прав. И какую только ерунду не вдолбишь в головы этим тупым людям. Опять Он вернется сегодня с уловом, — подумал Дмитрий, почесывая копытцем рожки.

Мой друг

Тишина никогда не бывает безмолвной. По крайней мере, я таковой никогда не встречал. Даже

ночью квартира полна копошащимися в укромных уголках звуками. Другое дело, что в темное время суток ведут себя они не так нагло и явственно, как среди бела дня. Но, как говаривал мой предок, выцарапавший человеческие мудрости из сомкнутых страниц: имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит, имеющий ноги да увидит... Хотя об истинности данного изречения судить тоже не берусь, ибо, как сказал все тот же мой пращур: не судите да не судимы будете. Он вообще очень любил продолжать эти выражения, приставляя к ним действия разного характера и выводить результат. Но вернемся к нашим звукам. Как было уже выше сказано, абсолютная тишина никогда не касалась краешков моих весьма чутких ушей и не пыталась в них заползти. Когда жилище наполняется тьмой, звуки продолжают обдeldывать свои делишки, от которых поневоле вздрагиваешь.

Кругляш на стене, причмокивая от удовольствия, пережевывает время, расчленяя и выплевывая сквозь вращающиеся клыки мгновения. В углу храпит с набитым брюхом кладезь пищи, вздрагивая и замирая, когда ему видятся кошмары. Половицы выпрямляют с хрустом затоптанные спины, трещат широкие плечи шкафов, вогнутые сиденья стульев, нет-нет да взбрыкнет шальной пружиной диван.

Мало в квартире своих звуков, так еще

чужаки норовят пробраться. Храпы, присвисты, вскрики, бормотание, шумы... И все их приходится тщательно выслушивать, чтобы не пропустить нужную череду звуков: хлопок входной двери, затем — шарканье подошв по лестнице и, наконец, скрежет ключа. Я уже знаю, что это вернулся мой Друг, которого я с нетерпением жду.

Каждый раз я вскакиваю и несусь навстречу со множеством вопросов: как-дела, что-нового, почему-так-поздно...

Друг ничего не отвечает. Молча снимает кожанку, наголовник, налупники и проходит в комнату. Последовательность его действий всегда одинакова и не отличается разнообразием: включает телевизор, ставит на стол бутылку, наливает из нее в стакан, выпивает, закусывает отобранной у храпуна едой и принимается пускать дым из носа. Я кручусь рядом, мучая вопросами, на которые он никогда сразу не отвечает. Когда ему надоедает, он злится и ругается.

— Кот! — орет он, — иди ты... Далее следует перечень адресов, куда он хотел бы меня отправить, и желательно навсегда. — Кот!

Я обижаюсь и на время отстаю от него. Ах, да! Я же забыл сказать, что Друг называет меня Котом. Почему? Надо у него спросить. Я не знаю.

Выговорившись, он замолкает, сидит и дымит. Тоже мне — надулся как мышь на крупу.

Ладно. Я не гордый. Подхожу и пытаюсь завязать разговор. Друг у меня отходчивый — обнимает и теребит за голову. И мне сразу так мурненько-мурненько становится.

Он допивает бутылку и принимается рассказывать, как провел день. Я молча слушаю, иногда вставляя свои замечания и переспрашивая. Потом он ложится спать. Я сворачиваюсь клубком в изголовье и напеваю баюкательную песенку. Утром Друг уходит на работу. И так повторяется изо дня в день с некоторыми отклонениями, когда Друг сидит дома и никуда не ходит. Иногда к нему заглядывают гости. Среди них бывают и самки, с которыми он уединяется в комнате. Порой я наблюдаю за их размножительными движениями. Забавно!

Но в основном мой Друг один. Я иногда думаю, что было бы неплохо, если бы он завел себе постоянную самку. Котишек бы народили. А то на старости лет ему никто и блох не повытаскает. Но Друг об этом, кажется, и не помышляет. Жалко! Все повеселее было бы. Хотя жилище у нас, прямо сказать, невелико — три на четыре моих прыжка. Если еще самка с детенышами поселятся — тесновато станет. Но это ничего, лишь бы Другу хорошо было.

Мне и так неплохо, даже когда я один остаюсь.

Думаете, мне скучно? Да Мур с вами! Умному одиночество не мешает, даже, наоборот, помогает. Я сижу на подоконнике, взираю на мир и размышляю. О чем? Да обо всем!

Например, о смысле мытия или о создателе нашем — Муре, пострадавшем от Гавлая. Поэтому наше племя и ненавидит его, а его потомки, в свою очередь, нас. Но, ничего, отольются когда-нибудь псам муркины слезки. Хотя о Муре много споров. У каждого он свой и выглядит по-разному. Но большинство сходится во мнении, что после нашей кончины все мы попадем в Мурдом и предстанем пред Его Судом. А Мур уже определит: кому несъедаемый котел мяса, кому вечное висение на хвосте и нескончаемые пытки пылесосом. Впрочем, некоторые наши заумные мурченые вообще отрицают его существование и утверждают, что произошли все мурчане от шебуршей. Якобы те — низшая ступень нашего развития. Придумали тоже! Сцапал недавно пару шебуршей, которые к нам по ошибке заскочили. Пытался с ними о жизни поговорить — пищат, и все. Ничего понять невозможно. Пришлось неучей за незнание языка съесть. Может, они, конечно, и к низшей ступени развития относятся, но точно не наши далекие предки. Вот Свистун — их родственник. Живет он в клетке в углу квартиры, ничего не делает, только ест и свистит. Чего сидит, чего свистит — не

разберешь. Друг его Свином называет. Зачем его держит — непонятно. Я сначала надеялся, что на мясо. Только не в Свина корм — время идет, а он не жиреет. Да и как вырастешь, когда пичкают тебя травой и овощами. Это же кошмар какой-то! Я от такой диеты когти откинул бы сразу. А тому хоть бы хны: сидит и свистит, сидит и свистит — достал уже. Зачем нахлебника держать? Но Друг у меня вообще странный. Как-то решил меня удивить. Взял и приволок домой дерево. Вы только вслушайтесь: дерево — домой! Он бы еще пруд выкопал и рыбок туда напустил! Посадил его, значит, возле окошка, фигни всякой повешал... Воняет, конечно, здорово, ничего не скажешь. Я потом полдня чихал, пока не привык. Но на кой пес мне дерево, пылесос меня засоси?! Я что, гавлай какой-нибудь, чтоб на него ногу задирать? У меня свое укромное место есть. Сделал дело, закопал и гуляй смело, как говаривал мой дедушка.

Кстати, если я уж затронул эту тему... У нас с Другом негласный договор — он ко мне в горшок не ходит, я к нему. Но, когда Друга дома не было, заглянул ради интереса... Смех, да и только! Стул с дырой! Ну, вот как на нем сидеть?! Попробовал: скользко, неудобно и сушиться потом долго.

А иногда я на досуге мыроскопы сочиняю, это меня бабушка научила, когда я еще под шкаф ползал. Согласно расположению небесных глаз,

каждому уготована своя судьба. Ее можно предугадать. Зависит она от момента твоего рождения. Лично я появился на свет в знаке Молока очертания Журчуна. Поэтому жизнь моя должна сложиться тихой и без излишних волнений и тревог. Обладаю я ласковой сущностью. Пока все сходится, а дальше посмотрим.

Можно, конечно, и на волю сбежать, но мне что-то не хочется. Был я несколько раз на улице — не понравилось. Я по молодости из окошка выпал. Когда летел, обделался к своему стыду с непривычки. Друг меня потом из-под куста вытащил, домой принес, отмывал и ругался.

А однажды я из дома улизнул. Причина для этого весьма весомая имелась. Вместе со мной подруга жила — Друг притащил. Особа весьма симпатичная и легконавпрыгиваемая, но не культурная. Гадила везде подряд. Друг ее и унес куда-то. И заскучал я, пошел ее искать. Но та будто псу под хвост слиняла. Побродил, заблудился, гавлаи меня в подвал загнали. Оттуда несколько дней я Друга на помощь звал, пока он меня не отыскал. Домой принес и еды насыпал. А у меня от усталости китикэт в горло не лезет. Он меня в ванну — отмыл от блох. Я в каком-то полубреду находился — мокрый бродил по комнате, жаловался, сил вылизываться не было. Друг взбесился и как даст ногой по башке! Дальше не

помню. Очнулся уже, когда Друг со мной на руках носился по квартире и рыдал, как дурак.

Ну ее, к чертям собачьим, эту свободу! Нас и здесь неплохо кормят...

Я даже на праздник Мура, когда все сородичи бродят и гимны ему поют, носа на улицу не кажу. Славить Создателя и дома разрешается. Правда, по традиции принято мурить в несколько голосов и совершать при этом ритуальное вспрыгивание на самок... Но и это необязательно.

И к тому же... Если я уйду, то как же мой Друг? Он такой беззащитный, ничего без меня сделать не может. С кем он станет делиться своими проблемами и неурядицами?! Он же один. У него никого ближе меня нет. Пропадет! Ей Мур, пропадет!

Но, мур! Ключ в дверях заскрипел! Это пришел МОЙ ДРУГ!

Мелочи жизни

Никогда не любил больших городов. И дело совсем не в том, что люди в них, в отличие от живущих в поселках и деревнях, более замкнутые, надменные и эгоистичные (хотя и это имеет значение). Не нравится сама атмосфера, ритм жизни, царящие в городе: вечное столпотворение, спешка, духота, мусор и грязь, нелепые однотипные многоэтажки, похожие на крышки гробов, которые выставляют у подъездов. Разноцветная, донельзя тупая и навязчивая реклама, всовывающая в сознание мысли о необходимости покупки совершенно не нужных тебе вещей. Неумолкающий ни днем ни ночью шум машин, крики и пустые разговоры прохожих, трезвон мобильных, завывание сирен... Все сплетается в единый разбухающий, поглощающий и подминающий тебя под себя ком городской реальности. Иной раз, дойдя до отчаяния, решаешь бросить все и уехать куда-нибудь в глушь, но тут же находишь сотни причин остаться. Либо ты учишься в вузе, а получить высшее образование вне города никак нельзя, либо ты уже обзавелся семьей, и твои домочадцы, привыкшие ко всем удобствам, и слышать не хотят ни о какой деревне, либо — работа. О, это священное для современного человека слово, ради которого он готов стерпеть

все, включая унижения, оскорбления и неприятности! И пусть ты ее ненавидишь до зубовного скрежета, горбатишься за сущие копейки, не спишь ночами, зарабатываешь гору болячек, не видишь белого света, материшь ее и ругаешь, но — **ТЫ РАБОТАЕШЬ**. Ты при деле. И самый страшный кошмар, который может приключиться в твоей жизни — это ее потеря. Тогда человек становится беспомощным и жалким, ощущая себя лишним и никому не нужным. Наверное, именно себя так и чувствовали бы винтик или гайка, отвалившиеся от какого-нибудь механизма, будь они живыми. А вроде бы радоваться должен, что обрел-таки, наконец, свободу. Есть время подумать, осмыслить, разобраться в себе и окружающем мире. Но нет! Быстрее-быстрее вклиниться в очередной агрегат, чтобы вместе с такими же, как и ты, вертеть шестеренки и открывать клапаны. Лишь бы не останавливаться, не думать и быть **КАК ВСЕ**. Еще одно магическое выражение современного человека. Хотя никто понятия не имеет, что конкретно оно означает. Возможно, я сгущаю краски и абсолютно не прав. Но тут уж ничего не поделаешь. Когда в кармане кот заплакал, долгов накопилось выше крыши, а с работы турнули, радужные мысли в голову лезть отнюдь не спешат, предпочитая, как истинные джентльмены,

пропускать вперед мрачных дам с черными вуалями.

Я бесцельно бродил по мегаполису, занятый своими раздумьями, не обращая внимания на надоевшую и однообразную действительность. Свернув в переулок с центральной улицы, я шагал, не разбирая дороги и не особо заботясь о том, куда она меня выведет. Ноги измерили длину одного двора, переместили тело в другой, затем в следующий... Когда им наконец надоело петлять, они взбунтовались, разъехавшись в разные стороны на грязных останках мостовой. Едва не шлепнувшееся в лужу тело встряхнуло головой, приводя ее в чувство. Зрачки заметались в глазницах, скользя взглядом по нависшим серым стенам с квадратными пробоинами пустых окон, перекошенным заколоченным дверям и трухлявой лавочке посреди крохотного пяточка. Дальше дороги не было. Путешествие по пищеварительному тракту города закончилось для меня в его аппендиксе. Тупик. Я закурил сигарету, озираясь в поисках таблички с названием этого места. Тщетно. Скамейка, потемневшая от времени и набухшая от мартовской влаги, охнула, принимая на себя тяжесть моего тела, пошатнулась, но устояла на четвереньках.

Путь обратно только один. Все равно рано или поздно выйду, а спешить мне некуда. А если и

заблужусь, то кто-нибудь подскажет дорогу. Только вот кто? Что-то не похоже, чтобы люди здесь часто ходили. Глушь и тишина. Словно и не центр большого города. Где-то сбоку внезапно хлопнула дверь, и послышались голоса. Обернувшись на звук, я увидел, как из-под стены показалась голова, вытянувшая за собой фигуру человека. Мельком взглянув на меня, он проскочил мимо и скрылся в подворотне, прежде чем я успел его окликнуть. Подойдя к тому месту, откуда появился гражданин, я обнаружил вход в подвал, на двери которого висела незаметная вывеска: магазин «1 000 000 мелочей».

— Странный магазин... И в такой глуши. Наверное, от покупателей отбоя нет, — съязвил я про себя. — Ну да ладно. Надо зайти посмотреть ради интереса, а заодно и разведать, как побыстрее отсюда выбраться.

Ржавая пружина закрипела, нехотя растягиваясь под напором, а, освободившись, скрючилась, едва не придав мне скорости дверью. Небольшое помещение, уставленное прилавками с сувенирами и хозяйственными принадлежностями, пахнуло смесью запахов краски, оберточной бумаги, мыла и одеколona. В магазине никого не было. Побродив от витрины к витрине и вдоволь насмотревшись на стандартные наборы из шурупов, вешалок, совков, веников, подсвечников, статуэток

и прочей дребедени, которые есть практически в любой лавке подобного сорта, я заметил кабинку, задернутую черной ширмой. Точно такие обычно ставят в магазинах одежды, чтобы покупатели, скрывшись от посторонних глаз, могли полюбоваться на собственное отражение в обновках. Рука уже потянулась, чтобы отдернуть занавесь, как из-за нее вышагнул человек. Едва не столкнувшись, мы уставились друг на друга.

— М-м-молодой человек, вы от кого? — спросил пузатый мужчина, стремительно зачесывая расческой редкие волосинки на блестящей потной лысине. — От Корфа?

— Вообще-то я от мамы и папы. И, насколько мне известно, никто из них, а также их предков, а значит, смею надеяться, и моих тоже, не имели чести носить такую кличку. Хотя в этом брэнном мире все может стать. Возможно, кого-то и называли так за глаза, но мне сие неизвестно.

— А-а-а, философ! Да тому же еще и шутник, — усмехнулся мужчина, направляясь за прилавок. — Судя по сарказму, вы сегодня явно не в настроении. Что? Жизнь не удалась, или просто ноги промочили?

— О, достопочтимый владелец изысканнейших вешалок для туалетной бумаги и ершиков для чистки фаянсовых изделий! И то, и другое. Пред вами путник, заблудившийся, подобно

Тесею в лабиринте, потерявшему путеводную нить.

— Но на Минотавра я, вроде, не похож, — развеселился мужчина. — Кстати, и зовут меня по-другому. Разрешите представиться! Аполлон.

— Зевс, — пожимая протянутую руку, произнес я.

— Да нет! Меня, правда, так зовут. Могу, если хотите, паспорт показать.

— Не надо. Верю. Сергей, — заново представился я на этот раз своим настоящим именем. — Сергей Занозин.

— Вот и ладно. Если не ошибаюсь, вы хотите знать, где находитесь, и как побыстрее отсюда выйти? Официальное название тупика — «Красный» — наследие советских времен. А выйти вы можете через черный ход магазина и сразу попадете на проспект Юбилейный.

— Так это же центр города, — немного опешил я. — Странно...

— Что именно, мой друг?

— То, что черный вход ведет на оживленную улицу, а парадный — в тупик, где народ не ходит. Вы вообще о ведении бизнеса, маркетинге, рекламе и прочих двигателях торговли что-нибудь слышали?

— Вы о том, чтобы в магазин заходило большее количество покупателей? Нам это не нужно. Видите ли, молодой человек, мы

занимаемся несколько специфическим товаром. У нас достаточно и постоянных клиентов, а для случайно зашедших, таких, как вы — все, что видите на витринах.

— Понятно. Оружие, наркотики, рабы, подпольное казино...

— Ну, что вы?! — улыбнулся Аполлон. — Боевиков посмотрелись? К такому месту вы бы и близко не подошли. Мы занимаемся скупкой и продажей жизненных мелочей.

— Чего?!

— Мелочей жизни, — переставил слова местами хозяин лавки, в надежде прояснить смысл сказанного. — Ладно. Вкратце этого не объяснить. Пойдемте в кабинет. Там все расскажу. Если хотите, конечно же, и никуда не торопитесь.

Я задумался. С одной стороны, интересно, а с другой — дадут по башке и поминай, как звали. Хотя чего с меня взять... После мимолетного замешательства любопытство обрело лавровый веночек.

— До пятницы я совершенно свободен!

— Вот и славно, Пятачок, — улыбнулся Аполлон-Винни-Пух. — Проходи.

Ширма распахнулась, пропуская в длинный коридор.

Кабинет, спрятавшийся в одном из ответвлений коридора, оказался небольшим, но вполне уютным. Напротив входа у стены, придавленный к ворсистому ковру компьютером, кипами бумаг и сувенирными безделушками, растопырил ноги письменный стол. Подле него свернулись валиками два мягких кресла, разделенные журнальным столиком. Высвеченный мягким светом настольной лампы, блестел полированный шкаф, набитый книгами. Стены и потолок, одетые в платье из толстой ткани, не пропускали внутрь ни единого звука извне. Рюмки, появившиеся на столике, наполнились алкоголем и звякнули, коснувшись придвинутой хрустальной пепельницы.

Усевшись, я заметил у входа еще одно кресло, отдаленно напоминающее зубоврачебное.

— Итак, за знакомство! — провозгласил тост хозяин.

Коньяк юркнул в утробы.

— С чего бы начать... — призадумался Аполлон.

— Обычно в таких случаях говорят: с начала, — напомнил я.

— Воистину так. Итак, мелочи жизни. Чтобы не утомлять вас излишними подробностями и наукообразными вещами, постараюсь излагать

кратко и общедоступным языком. Если по сути и не вдаваясь в факты своей биографии, скажу, что давно изучаю человека, его личность в целом и в частности. В общем-то, ничего особенного в этом нет. До меня подобными вещами занимались многие ученые.

— Понятно, значит, вы из плеяды тех, кто жаждет облагодетельствовать человечество, — перебил я его. — Нет, но это уже не оригинально. Подобными персонажами напичкана и литература, и кинематограф. Возьмите любой бульварный роман и найдете в нем и сумасшедшего профессора, и подробное описание способов строительства рая или ада на земле, в зависимости от цели автора, а также неизбежное крушение замыслов персонажа. Нисколько не сомневаюсь, что опыты вы производите вон на том гинекологическом кресле.

— И да, и нет, — усмехнулся Аполлон. — Таких глобальных целей для себя я никогда не ставил. Просто у меня такое, если хотите, хобби. Кто-то бабочек изучает или собирает марки и монеты, а я препарирую чувства человека. Понимаете, всю нашу жизнь можно сравнить с чем-то огромным, состоящим из постоянно пополняемых, прилипающих к нему частей. Удаляя или заменяя малое, постепенно вы измените и само целое. В результате получите совершенно иную личность того или иного человека. К примеру, есть

множество людей, которым отравляют жизнь ничего не значащие, на первый взгляд, воспоминания. Ну, скажем, бабушке место в трамвае не уступили или нахамили и обидели близкого человека. Мелочь — не более того, время от времени приходящая по тем или иным причинам вам в голову. В результате портится настроение, под влиянием которого вы совершаете иные поступки, отличные от могущих быть совершенными, если бы данного воспоминания у вас не имелось. Вспомните, наверняка, у вас ни с того ни с сего резко менялось настроение, причем видимой причины для этого не имелось. Если вытащить из головы негативные мелочи, которые отравляют жизнь, то и сама жизнь станет лучше.

— Так, значит, конечная цель все же — благоденствие для всего человечества, — не выдержал я. — А утверждали, что нет.

— И продолжаю утверждать, — нисколько не смутился собеседник. — Мне, по большому счету, все равно, что в дальнейшем станет с человеком. Это, как игра в пазлы, закончил один — начинаю другой. Но по опыту знаю, что никто из моих клиентов на судьбу не жаловался. Напротив, они постоянно приходят ко мне «почиститься». Денег за это я не беру, а, наоборот, приплачиваю кругленькую сумму.

— Вы состояние на сантехнических сувенирах

заработали или от бабушки в наследство получили?

— А вот это коммерческая тайна. Но скажу, что в деньгах недостатка не испытываю и могу жить в собственное удовольствие.

— Понятно, только зачем вы мне это все рассказываете? Не бойтесь, что пойду и донесу на вашу сомнительную деятельность нашим славным правоохранительным органам?

— Нет. Ну, кто вам поверит? В лучшем случае, сочтут за чудака, в худшем — за сумасшедшего. А будете настаивать — нарядят в рубашку с длинными рукавами. У меня на вас свои виды. Дело в том, что новых клиентов у меня давненько не было, а вы, как я понимаю, нуждаетесь. Так что баш на баш — вам деньги, мне мелочи. Предупреждаю, что сеанс безболезненный и занимает пять-десять минут. Согласны?

— Надо подумать.

— Тут и думать нечего. Неужели не интересно? Судя по всему, вы человек в меру авантюрный и бесстрашный. Ну, так как?

Я покрутил бокал в руках, рассматривая нового знакомого сквозь коричневую жидкость.

— Ладно, можно попробовать. Доставайте бубен, любезнейший Шаман Аполлонович, читайте мантры и призывайте на помощь духов...

— Бросьте, — поморщился Аполлон. — Какие духи?! Все очень просто. Вы садитесь в это,

как вы изволили назвать, гинекологическое кресло, к голове подключаются электроды. Все время вы находитесь в сознании, все видите и в любое время можете прервать сеанс. А помощник у меня, действительно, есть. Точнее, помощница. Я ее сейчас приглашу, а вы пока подумайте и выберите ненужную мелочь жизни.

Дверь выпустила Аполлона, и вскоре он появился вновь, ведя за собой прелестное белокурое создание, изначально длинных ног которого едва прикрывало коротенькая юбочка, а грудь не умещалась в глубоком декольте. Смазливую мордашку, умело размалеванную макияжем, подчеркивали алые улыбающиеся губы. Кресло вышвырнуло мое тело из пухлых объятий.

— О, несравненная Дульсинея Тамбовская, Афродита моего сердца, преклоняю колени пред вашей неземной красотой. Пожалейте раба вашего! Будьте моей навеки! Пожалуйте в подарок свою изящную десницу и мышцу, перекачивающую кровь по вашему неземному организму!

К несказанному удивлению, прелестница зарделась и спряталась за спину Аполлона. Тот усмехнулся.

— Не обращай на него внимания, дочь. Это наш новый поставщик мелочей. Кстати, вы, Сергей, угадали. Ее, действительно, зовут Афродитой.

— Афродита Аполлоновна! — восхитился

я. — Ну, вы даете! Если у вас и фамилия еще «божественная», то у меня просто нет слов!

— К сожалению, — вздохнул владелец прелестной дочурки. — Фамилия обычная: Боковы.

Я поперхнулся дымом сигареты и истошно закашлялся.

— Что ж, бывает, — отдышавшись, вымолвил я. — Нет, вы подумайте! Разница всего в одну букву, а каков результат!

— Ладно, — начал сердиться профессор. — Пожалуйте в кресло. Афродита, помоги поставщику.

Я послушно проследовал к креслу. Ожидая, когда изящные пальчики прицепят к моей голове присоски с проводочками, нагло рассматривал ложбинку между грудями Афродиты, в которых потерялся золотой кулон. Если в свое время Пушкин пожелал стать табаком, то я не отказался бы какое-то время побыть украшением девушки.

— Афродита, а чем вы сегодня вечером занимаетесь? — поинтересовался я у девушки.

Та скосила глаза в сторону отца и еле слышно прошептала:

— Вообще-то ничем. Дома сижу. Я почти никуда не хожу.

— Бедное невинное создание, как ужасна ваша жизнь! Я просто обязан спасти вас из этого мрачного места, охраняемого неусыпным взором

дракона.

— О чем вы там шепчетесь? — поинтересовался профессор, подозрительно поглядывая из-за компьютера в нашу сторону.

— Соблазняю вашу дочь, — искренне ответил я. — Хочу похитить ее и сделать своей второй половинкой, а то надоело, понимаешь, чувствовать себя нецельной личностью. А вы разве против?

— Вообще-то, да. Я пока о вас ничего не знаю и не желаю, чтобы Афродита с вами общалась.

— Как? Разве вы не хотите внуков? Кто же утешит и скрасит старость, кому вы передадите дело вашей жизни и сокровища Акры из закровов? Неужели вы не хотите сидеть в кресле-качалке с трубкой мира, чтобы по вашим коленям ползали малыши? «Дедя, дедя», — будут они вас звать, и слезы умиления покатаются по вашим изборожденным морщинами щекам. Обещаю, что старшенького мы назовем Гераклом, а младшенькую дочку Афиной...

— Слушайте, перестаньте, наконец! — взорвался негодованием профессор. — Хватит вздор молоть! Я уже начинаю сожалеть, что с вами связался.

— Хорошо, — вздохнул я. — Назовем ее Психеей, в вашу честь.

Аполлон сверкнул глазами, но промолчал. Раскрасневшаяся девушка, закончив надо мной

колдовать, отошла в сторону, одарив нежным взглядом.

— «А девушка созрела», — пришли мне в голову строки из популярной песни. — Надо бы ее облагодетельствовать.

Где-то внутри червячком шевельнулась нежность и подобие влюбленности, но усилием воли я придавил их, оставив лишь мокрое место. Терпеть не могу всех этих вздохов, нежностей и сопливостей. Влюбленный человек становится похожим на восторженного барана, узревшего новые ворота, мягким, податливым и наивным — все те качества, которые я успешно вытравлял из себя, по чеховскому рецепту, на протяжении сознательной жизни.

Аппарат на голове зажужжал. Присоски стали покалывать кожу.

— Сейчас я сканирую ваш мозг, — прокомментировал профессор, бегая пальцами по клавиатуре. — На экране он выглядит в виде спирали. Каждый виток — год жизни.

— И это правильно, — заметил я. — Человеческая голова и деревянный чурбан — практически одно и то же. Срезал макушку, и определяй себе вволю возраст, подсчитывая на досуге кольца.

— Нейтральные воспоминания покрашены на спирали в белый цвет, положительные — в синий, а

отрицательные — в красный...

— Аполлон Франкенштейнович, я безумно рад, что попал в руки истинного патриота и политически корректного гражданина нашего Отечества. Предлагаю, чтобы во время сканирования звучал гимн.

Афродита фыркнула в углу, а профессор продолжил как ни в чем не бывало:

— К сожалению, с помощью аппарата я могу только определить время возникновения негатива, но в чем он заключается — не имею возможности. Вам придется самому вспомнить, что это было. Если не сумеете, то поможет гипноз. Но это по вашему желанию. Кстати, вы определились с воспоминаниями, нуждающимися в удалении?

— Давайте начнем с потери работы, а потом посмотрим. Да! Если вы вырвете это воспоминание, то что же поставите взамен? Кстати, вполне логичный вопрос. У меня же там дырка образуется.

— Ничего страшного, — ответил профессор, — спираль сожмется. К тому же люди многого не помнят, что не мешает им жить. Вижу этот временной промежуток. Если не ошибаюсь, 15 февраля в 16.35–16.36, и последующая за этим ремиссия с осложнением. Удаляю!

Лязгнула клавиша, и — ничего не произошло. Красавица отцепила от меня провода. Я плюхнулся в мягкое кресло и плеснул в рюмку коньяка:

— Ну, за науку!

Профессор закончил возиться за компьютером и присоединился ко мне:

— Как вы себя ощущаете?

— Превосходно. Если бы еще закуски предложили, то вообще замечательно было бы.

— Я не об этом, — сделав глоток, произнес профессор. — Что у вас с работой случилось?

— Ничего особенного. Надоело, я и уволился, чему несказанно рад!

— Странно, что вы об этом помните.

— Еще бы! Это один из лучших моментов моей жизни! Не нужно заниматься ерундой, делай, что хочешь! Свобода!

Профессор потер переносицу и надолго задумался. Мне надоело смотреть на его физиономию, и я уставился на Афродиту. Гораздо более приятный объект. Под взглядом объект покраснел.

— Знаете, Афродита, наши предки были очень мудрыми гражданами, когда называли красавиц красными девицами. Вы вполне соответствуете данному изречению. Может, ваши яхонтовые уста отведают напитка из моего кубка?

Вылив остатки коньяка в рюмки, я сунул одну из них в руку девушки.

— За любовь — до дна!

Афродита неуверенно поглядела на отца, но

тот не обращал на нас внимания. Тогда она выпила и быстро отдала мне фужер.

— Мадемуазель, — продолжил я, — в котором часу вы обычно совершаете променад или, быть может, наслаждаетесь искусством в нашем славном городе? Где я могу лицезреть ваш ангельский облик?

Афродита потупила взгляд и принялась разглаживать ручками коротенькую юбочку.

— Не молчите, лучезарная богиня, умоляю вас. Пожалейте несчастного влюбленного, потерявшего голову от вашей красоты. Не мучайте, сделайте милость.

— Завтра вечером мы пойдем на «Ромео и Джульетту», — наконец, неуверенно произнесла она. — Можете туда подойти.

— Всенепременно буду, чтобы хотя бы мельком увидеть вас!

— Какой-то непонятный сбой произошел, — слышалось из угла. Я вздрогнул, совсем забыв про Аполлона. — Надо будет в этом разобраться. Кстати, вот ваш гонорар.

Он протянул деньги, которые в мгновение ока перекочевали мне в карман. Судя по нулям, только на одной купюре их вполне хватит, чтобы попасть в театр, купить цветов и на прочие мелочи, на которые так падки девушки.

— Премного вам благодарен, граф

Монте-Кристо. Следующий сеанс будет?

— Да. Вы меня заинтересовали. По всей видимости, ваш мозг несколько отличается от тех, с которыми мне приходилось иметь дело. Послезавтра в три часа дня вас устроит?

Я утвердительно кивнул головой.

— Тогда до встречи. Афродита, проводи гостя.

Девушка вывела меня на оживленную улицу. Прежде чем она успела закрыть дверь, я прижал ее к себе и впился в губы.

3

Безмолвные картинки мельтешили в телевизоре, бросая ответ на циферблат часов. Далеко за полночь. Спать совершенно не хотелось. Мысли скользкими змеями метались в мозгу. Не успевала созреть одна, как на нее накидывалась новая, а ее уже пожирала следующая. Ненавижу такое полубредовое состояние, которое чаще всего бывает либо после тяжелого похмелья, либо после болезни. Всматриваясь в собственное отражение на зачерненном окне, я курил одну сигарету за другой. Огонек вспыхивал и моментально гас, обрастая панцирем пепла. В пепельнице вповалку валялись скрюченные трупы окурков. Люблю сравнивать различные предметы и явления с человеческой

жизнью. Так получилось и с «бычками», напомнившими о бренности бытия. Целая сигарета, как человек. Со временем она уменьшается, превращаясь в никому не нужный окурок, который выкидывают. Но если представить, что человек — сигарета, то кто ее выкуривает? Время? Бог? Живо представилось, как на небесах сидит и беспрестанно курит Нечто. Дым, вылетающий изо рта, превращается в мягкие и пушистые облака-души. «Минздрав предупреждает», пришло на ум. Значит, Нечто еще и здоровье теряет, зарабатывая одышку и кашель. Кхекнет оно на верхотуре, а на Земле — гром. Бред! Полнейший бред! Чего только в голову не взбредет от бессонницы. Интересно, а Афродита сейчас спит? Или лежит полуобнаженной, покрытой из-за июньской жары тонкой тканью, думает обо мне? Наверное, тоже не спится. Надо завтра при встрече спросить. Хотя какая разница... Девочка она хорошая, но глупая. Впрочем, как и многие люди, разум которых подчинен чувствам. Управлять такими очень легко. Взять ту же Фродю, как я называю Афродиту наедине. Никакого труда не составило затащить ее в постель. Наплел девочке комплиментов, притворился потерявшим голову пылким влюбленным, подарил пару букетов, мягких игрушек и — все. По-пьяни привел ее в свою конуру, где без лишних слов содрал одежду и,

нашептывая на ушко мат, перемешанный с ласковой чепухой, повалил на кушетку. Она настолько обалдела от происходящего, что не сопротивлялась. А испытав впервые оргазм, девочка втюрилась в «объект», доставивший удовольствие.

Мелочи соединились воедино, образовав большое чувство. Теперь готова на край света за мной идти и чуть ли не боготворит. Нашла кого! Удивляюсь и никогда не перестану удивляться женщинам. Почему они влюбляются в мужчин «гнильцой», а не выбирают в спутники порядочных и идеальных парней? Есть же такие: не пьют, не курят, возлюбленных на руках носят, на сторону не смотрят, по кабакам не шляются. Так нет! Отдают предпочтение «плохим мальчикам», даже если воспитаны дамочки на высоких нравственных идеалах. Если и выходят они замуж за «идеальных», то потом влюбляются в какого-нибудь гуляку и изменяют супругу. Обманутые мужья недоумевают, плачутся и роются в себе: что же они не так сделали? И находят какую-нибудь мелочевку, которая, по их мнению, и стала причиной разрыва. Себя корят. Ерунда! Полная ерунда! Я давно нашел объяснение загадки. С идеальными — скучно. А с такими, как я, не соскучишься. То один финт выкину, то другой! Только держись! И неважно, что мои действия

приносят страдания. Напротив, складывается ощущение, что большинство женщин из разряда мазохистов: чем больше, тем милее.

Переживания убивают скуку. Не зря женщины обожают смотреть всякие мыльные сериалы, где кипят страсти. Главное, не переборщить с негодяйством и вовремя остановиться: покаяться, прощения попросить, нашептать, что любишь ее больше всего на свете, жизни не чаешь и тому подобную фигню. Завершить мизансцену рекомендую бурным сексом, чтобы женщина чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Скажете, подло? Да! Так и есть! А я и не лукавлю, утверждая, что хороший.

Но методика действует. Испытано, и не раз. Последним объектом стала Фродя.

Она у меня, конечно, замечательная, умилительная, жутко красивая, а трахается, как будто в последний раз... Другой на моем месте влюбился бы без оглядки... и стал бы слабым и податливым, как пластилин. Всякое чувство, пусть оно даже является верхом положительности, есть проявление слабости. А таким я быть не хочу и не желаю.

Но что-то слишком часто я стал вспоминать о Фроде. Зародыши чувства просочились и в меня. Рука решительно нащупала сотовый телефон, пальцы сами отпечатали нужный текст. Звякнул

сигнал, сообщавший, что весточка дошла до адресата.

Через минуту я позвонил Фроде.

— Ты спишь, малышка?

— Нет, лежу и думаю о тебе. Вспоминаю, как нам было хорошо вместе, — услышал в ответ.

— Я тоже. Мечтаю увидеть, обнять, почувствовать тебя. Я просто умираю, как хочу тебя, любимая. Приезжай ко мне прямо сейчас. Прошу тебя.

— Ты же знаешь, что это невозможно.

— Ну, пожалуйста, умоляю тебя. А завтра утром пойдем к твоему отцу и все расскажем. Мы поженимся и будем вместе, всегда-всегда, всегда-всегда. Приезжай, умоляю, — жарко шептал я в трубку.

Афродита задумалась.

— Хорошо, любимый, я сейчас приеду. Жди.

Трубка полетела на расстеленную кровать. Дело сделано. Еще одно подтверждение того, как глупеет человек под властью чувств. Сигарета вспыхнула огоньком, за ней следующая. Когда настала очередь четвертой, входная дверь тренькнула, оповестив, что явилась Афродита.

Губы в губы, рука к руке, и одежды сброшены у входа на пол. Кружа по комнате, мы добрались до кровати, и матрас вздрогнул, принимая нас...

Через час Фродя спала у меня на груди,

разметав длинные волосы и прижавшись всем телом. Летний рассвет озолотил противоположный от окна угол. Сквозь открытую форточку доносились распевки птах и шелестение листьев на ветру. Безмятежность нарушил скрежет ключа в замке. Афродита вздрогнула и, приподнявшись, испуганно уставилась на дверь. На пороге возникла фигура женщины.

— Сволочь, — шагнув вперед, прошипела она. — Я так и знала. Кобель, сволочь, урод! — в голосе появились визгливые нотки. — Не успела уехать, шалаву приволок. Ненавижу тебя! А ну, выметай отсюда свою девку!

— Сережа, кто это? — пролепетала Афродита.

— Да, это так. Знакомая одна.

— Знакомая, — взъярилась женщина. — Мы три года вместе живем! Все обещаниями жениться кормит. Сколько баб я из этой постели повытаскивала! Прощала, уговаривала, ругалась — попусту.

— Ты же говорил, что у тебя никого нет. Ты мне врал, — у Афродиты задрожала губа, и, не сдержавшись, она зарыдала.

Словно внезапно ослепнув, девушка вползла голым телом в платье и побрела, натыкаясь на невидимые преграды, к выходу.

— Я тебя провожу! — вскочил я с постели.

— Сидеть! — рывкнула знакомая. — Сама

дойдет. Будет знать, как по чужим мужикам шляться.

У входа Афродита обернулась, попыталась что-то сказать, но не смогла. Было слышно, как каблучки медленно процокали по лестнице и оборвались грохотом захлопнувшейся двери подъезда.

Тихо. Как будто ничего не произошло. По-прежнему лучи нового дня бродят по квартире и прочищают горлышко птицы.

Знакомая Светлана присела на кровать.

— Какой же ты все-таки, Занозин, — она замялась, подыскивая слово, — черствый, — наконец, нашлась женщина. — Бедная девочка! Мне ее так жалко... Сердце кровью обливается. А тебе — по барабану.

Я протянул ей купюру:

— Как договаривались. Она нормально доберется?

— Около дома дежурит Вовка на такси, — вздохнула Светка. — Он ее довезет. Если что — насильно посадит, можешь не волноваться. Хотя какая тебе разница. Нет, ну какой же ты урод!

— Угомонись! Ты свою работу сделала, деньги получила, можешь быть свободна. А эмоции оставь при себе. Фродя мне еще пригодится, поэтому и не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Пригодится! — вскинулась Светка. — Да она тебя видеть больше не захочет. Или, думаешь, простит? Тогда зачем весь цирк?

— А вот это уже не твоего ума дело. Давай гуляй, ревнивая подруга жизни. Кстати, роль неплохо удалась. Жаль, что в театральную не поступила. Имела бы успех, в кино снималась бы. Хотя тебя и так снимают, — усмехнулся я, — и гонорары неплохие платят. Выпить хочешь, Джулия Робертс?

— Наливай, если есть. Да, можно я у тебя перекантуюсь, а то у меня рабочий день закончился. Домой что-то не хочется.

— Валяй...

Светка скинула одежду и забралась под одеяло.

— Хоть ты и сволочь, Занозин, но трахаться с тобой — одно удовольствие. Иди ко мне...

Я послушно прилег к ней — разве можно отказать женщине, если она просит?!

4

Сотовый, запутавшийся в складках одеяла, глухо надрывался, моля об избавлении. Отодвинув посапывающую Светку к стене, я, наконец, разыскал телефон.

— Сергей, сегодня сеанс отменяется, —

раздался в трубке взволнованный голос Аполлона. — У нас несчастье! Афродита в больнице!

— Что?! — вскричал я и тут же зевнул в сторону — опять не удалось выспаться. — Что с ней?

— Утром я вошел в комнату и обнаружил ее без сознания. Рядом валялась упаковка из-под таблеток. Она пыталась покончить с собой! Это ужасно! Я не знаю, что делать!

— Попробуйте успокоиться, Аполлон. Возьмите себя в руки. Она жива?

— Да, да! Врачи промыли ей желудок. Сейчас она в реанимации. Я только что оттуда вернулся. Доктор сказал, что все в порядке. Жить будет. Но если бы я вошел на полчаса попозже...

— Главное, она жива. Все остальное неважно. Я сейчас приеду. Нельзя вам в таком состоянии быть одному.

— Спасибо, Сергей. Я просто места себе не нахожу! Бедная девочка...

— Да, профессор, — перебил я его. — Афродита объяснила, почему она так поступила? Может быть, записку оставила?

— Нет, нет! Она ничего не говорила. Вечером была веселой, как обычно, а утром...

— Успокойтесь, я уже еду.

Трубка выдала короткие гудки. Светка

забилась в угол кровати и с ужасом смотрела на меня:

— Она что? Того?

— Того, того, — подтвердил я, неспешно натягивая одежду. — Надо скататься, а то профессор раньше времени с ума сойдет, хотя он никогда особо с ним и не дружил. Уходить будешь — дверь закроешь.

И пока Светка не пришла в себя и не выдала очередную гневно-нравоучительную тираду, вышел на улицу. Не люблю чтения нотаций. И неважно, от кого они исходят: от проститутки или кого другого. Всякий человек мнит себя моралистом. Его хлебом не корми — дай поучить, осудить, наставить на путь истинный заблудшую душу. Как начнут рассуждать, что хорошо, что плохо — не остановишь. Глаза огнем горят, руки и речи воздух сотрясают, пена у рта пузырится — посмотришь, не человек, а пылающий Везувий. И слова появляются ученые, которые они от силы пару раз в своей жизни употребляли, цитаты из великих, ссылки на различные источники сыплются. В два счета поведают, какой ты отвратительный тип и, воздев очи к небу, вопросят: мол, как таких земля носит?! Но подобное бывает, когда речь не о них, любимых, заходит, а о ком-нибудь другом. А начнешь разбираться — судьбы-то кто? И выясняется, что мораль читал гражданин, который ох как много

гадостей совершил. Это кто меня жизни учит? Светка? Девчонка, которая якобы приехала в город поступать в театральный, но не смогла, потому как экзамены провалила. Решила не уезжать и попробовать в следующем году? Да жизнь-злодейка заставила на панель пойти? Не смешите! Все шлюхи подобные истории рассказывают. Она — высокоморальная гражданка нашего отечества?! А то, что клиентов снотворным поила и из квартир деньги таскала — это нормально? За бумажки — Афродиту на тот свет чуть не отправила. Это как? Конечно, она не знала, что выйдет так... А если бы знала — отказалась? Вряд ли... Порыться в ее биографии — и можно найти много интересного... И остальные ничем ее не лучше! У каждого есть свой «скелет в шкафу». Поэтому сидите и молчите, господа моралисты! Что-то взгляд ваш враз тускнеет, и разговор затихает, когда начинаешь копать в ваших судьбах. Но между мной и вами есть одна ма-а-ленькая мелочь. Вы совершаете гадости по собственной воле и желанию, но прикрываясь различными предлогами. А потом стараетесь быстренько их забыть и больше не вспоминать. У вас всегда есть выбор, как бы вы ни сетовали на обстоятельства. У меня его нет. В мозгу случился некий сбой. Аппарат профессора не сумел удалить негативные мелочи, вместо этого поменяв в них знаки с минуса на плюс. Сначала это лишь

удивляло Аполлона, затем насторожило. Но процесс был запущен. Мозг самостоятельно стал изменять отрицательные мелочи на положительные. И ему, как живому органу, требовалась пища. Исключительно — негативные воспоминания, и как предпосылки — поступки. Его аппетит постоянно растет. Поэтому что будет со мной в дальнейшем, неизвестно. И во всем виноват Аполлон. Если бы тогда он не предложил нищему заработать, сейчас бы я был нормальным человеком. Кого же еще упрекать, как не профессора? Не себя же! Даже пышущие здоровьем моралисты не обвиняют себя, выискивая всевозможные причины. За редким исключением, конечно.

За раздумьями я не заметил, как доехал на такси до Красного тупика. Люблю поговорить сам с собой. Незадолго до дома профессора я попросил водителя прибавить скорость и резко остановиться. Скрип тормозов возвестил о моем прибытии. Сделав озабоченный вид, я ворвался в знакомый кабинет. Аполлон, метавшийся от стены к стене, бросился навстречу.

— Слава богу, вы пришли!

— Слава богу, ты пришел, ты прише-е-ел, ты прише-ел, — моментально возник в голове припев из песенки одной популярной телепередачи. — Успокойтесь, — вслух произнес я. — Все будет нормально.

— Не могу сидеть спокойно! Надо что-то делать!

— Конечно. Кто же спорит... Но, прежде всего, надо взять себя или что-нибудь другое в руки. Предлагаю занять кисти бокалом спиртного. Где у вас коньяк?

Аполлон рванул на себя прямоугольный ящик стола и вынул початую бутылку.

— Я уже отпил немного, — смутился он.

— Вы поступили как нельзя лучше. Человек, попавший в неприятную ситуацию, обязан успокоить нервы. В противном случае он рискует заработать инфаркт или сыграть в ящик. Не шучу. На моей памяти был такой случай, — наполняя бокалы до краев, трепался я. — Один приезжий в министерстве в Москве получил нагоняй от начальства. Пришел к знакомым, у которых остановился, лег и помер. Приехал врач. Ему поведали причину смерти.

— Эх, вы, — говорит доктор. — Налили бы мужику стакан, сейчас жив был бы. Вот так, любезный Аполлон. За ваше и Афродитино здоровье. А теперь рассказывайте подробно.

Ничего нового Аполлон, пережевавший рассказ восклицаниями, хватаниями за голову и прочие части тела, не поведал. Истинной причины попытки самоубийства дочери он не знал, о нашей с ней связи не догадывался, поэтому сопоставить

причину и следствие не сумел. В очередной раз удивляюсь близорукости и глупости человеческой натуры. Будь Аполлон менее увлечен своим хобби и более наблюдательным, ничто не помешало бы сделать ему верный вывод. А еще ученый, рассуждающий о целостности, состоящей из мелочей! Их-то он как раз и не заметил.

— Нет, я с ума сойду, — скулил побитой псиной Аполлон. — Единственная дочь... Но зачем, зачем она это сделала?!

— Когда придет в себя — спросите. Но до этого дожить нужно и, желательно, в здравом рассудке. Судя по вам, вы собираетесь променять грешный мир на уютную комнатку с зарешеченными окнами, бесплатной перловой кашей и одежкой на вырост. Как видно, коньяк вам не помогает. Может, следует увеличить дозу?

Аполлон согласился. Когда вторая бутылка выставила напоказ дно, он был изрядно пьян, но продолжал плакаться и завывать.

— Знаете, Аполлон, вы мне надоели. Пойду-ка я домой. Иначе сам скоро встану на четвереньки и затывкую.

— Нет, нет, — испугался профессор. — Оставайтесь!

— Тогда перестаньте ныть!

— Не могу, мне плохо!

— Слушайте! — воскликнул я, как будто меня

озарила гениальная идея. — Какие мы с вами все-таки идиоты! Я придумал, как вам помочь! Надо стереть негативное воспоминание — и всего делов!

— И всего делов! — пьяно рассмеялся Аполлон. — И всего делов! Как я сам не додумался?! Серега, ты гений! Дай я тебя поцелую...

— погоди, профессор. За идею нужно выпить, а потом покажешь, как стереть мелочь.

Очередная бутылка лишилась головного убора, и вконец окосевший Аполлон, икая, принялся объяснять процедуру. Он мог этого и не делать. Фродя давно научила меня пользоваться аппаратом.

— Серега, ты только кнопки не перепутай! — хихикал Аполлон в кресле, ощупывая присоски. — Если Esc нажмешь не вовремя, мозги мне свернешь. Как я без них?!

— Не бойсь, Поля, все нормально будет.

Клавиатура весело зацокала, касаясь копытцами клавиш подушечек пальцев. В середине процесса мизинец остановился на Esc и ласково погладил буковки. Я взглянул на профессора. Тот веселился в кресле, уже смутно воспринимая окружающий мир. Не сомневаясь ни секунды, я надавил на четырехугольник.

Редактор крупного издательства сидел в своем кабинете, постукивая по столу карандашом, словно желал его вколотить в крышку, и старательно смотрел в сторону. Судя по всему, рассказ ему не понравился, и он подыскивал слова, чтобы сообщить об этом.

Мне наскучило наблюдать за ним.

— Анатолий Федорович, к сожалению, я не разбираю морзянку. Нельзя ли оформить ваши мысли в членораздельные слова?

Редактор нахмурился и воззрился на меня.

— Прочитал ваш рассказец, — наконец, вымолвил он. Косматые брови и лопата бороды качнулись вперед. — Но... Какой-то он «сыроватый». Предлагаю его доработать. Не совсем ясен финал. Что случилось дальше с главными персонажами?

— Знал, что вы об этом спросите, поэтому принес заключительную часть. Можете прочитать, — я сунул ему флешку. — Скиньте на компьютер. Текст называется «добивка». Хотя, чтобы вы не утомлялись моим низким слогом, расскажу в двух словах окончание. Итак. Профессор остался жив, но напрочь забыл, кто он такой, и что с ним произошло. Афродиту, чтобы она не мучалась, главный герой «уговорил» сесть

под аппарат и подкорректировал ее воспоминания. После этого Сергей женился на ней, получив изрядное приданное. Бизнес он повел по-новому. Со временем клиентура выросла, а сеансы стали платными. В общем-то, все!

Редактор поморщился.

— С какой стати люди стали платить?

— Дело в том, любезнейший Анатолий Федорович, что негативные мелочи необходимы нашему мозгу, являясь «ограничителем», не позволяющим совершать дурные поступки. Люди безо всяких аппаратов пытаются забыть их, но они действуют на подсознательном уровне, пробуждая совесть. Искусственное извлечение уничтожает иммунитет мозга. Оставшись один на один со вновь поступившим негативом, пациенты испытывает жуткие душевные муки. И как следствие...

— Понятно, — перебил редактор. — Можете не продолжать. Но все равно рассказ «сырой». Я предлагаю сделать его более позитивным: Сергей влюбился в девушку, они долго скрывали от отца любовную связь, прошли немислимые испытания, в конце концов, поженились и жили счастливо...

— Пока не сдохли в один прекрасный момент, — прервал я. — Меня сейчас стошнит. Печатайте, как есть. Я за это вам деньги плачу. Писак, которые позднее переделают рассказ в мыльную оперу или в мистический триллер, в

нашей стране найдется предостаточно. За умеренную плату они снабдят его дополнительными диалогами, описаниями чувств на фоне природы и постельными сценами. «Его рука коснулась округлых холмиков, увенчанных розочками сосков. Афродита застонала от невыносимой любовной муки. Пальцы медленно поползли вниз, пока не достигли нежных распутившихся лепестков. Тело девушки выгнулось, и из алых губ вырвался жаркий шепот: «Милый, ну что же ты медлишь». Достаточно, или продолжить? Дело в том, что написать подобную чепуху мне — раз плюнуть, но, признаюсь честно, лень и жутко скучно. При желании из рассказа можно соорудить подобие бульварного романа, которым будут зачитываться дамочки и пассажиры метро. Мне этого не нужно.

— А что вам вообще, собственно говоря, нужно?

— Я развлекся и — довольно. Считайте рассказ блажью человека, которому нечем заняться. Кстати, вы, наверняка, уже слышали из СМИ, что правительство страны приняло решение внедрить в обязательном порядке в клиниках, на предприятиях и в различных организациях мою уникальную методику антидепрессивного воздействия. Считайте, что я рекламирую себя. Психолог, который еще и пишет прозу, пусть и не

гениальную, привлечет внимание населения.

— Вы страшный человек, — вздохнул редактор. — С вами спорить — себе дороже. Скажите, вам никогда не бывает стыдно или жаль хотя бы близких людей? К примеру, таких, как Аполлон или Афродита.

— Анатолий Федорович, вы заработались. Их не существует. Все описанное в рассказе — вымысел. Вы же разумный человек!? Неужели вы поверили во всю эту чепуху!?

— Ладно, — вздохнул редактор. — С вашего позволения, текст мы немного поправим и напечатаем. Могу заверить, что последующие переиздания не за горами. А сейчас извините, много работы.

— До свидания, Анатолий Федорович, — поднялся я с кресла. — Не буду вам мешать.

— Да, — обернулся я у выхода. — Если не ошибаюсь, вам сегодня назначено. Вы придете?

— Конечно!

— Тогда я вас сегодня лично «почищу». Всего доброго.

Дверь хлопнула последней страницей по переплету косяка.